

Александр Романчиков

Стать героем

Александр Романчиков
Стать героем

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Романчиков А. Н.

Стать героем / А. Н. Романчиков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Каждый однажды находит свое место в этом мире, каким бы ни было это место. Но из всякого правила бывают исключения, особенно если речь заходит о тех, кто потерялся не только в жизненных целях, но и во времени.

© Романчиков А. Н., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	7
Глава 2.	11
Глава 3.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пролог

Паша никогда не любил клубы. Этот бесконечный рев музыки, мелькающие лица незнакомцев, крики и глаза. Глаза, наполненные похотью, злобой, а порой и каким-то безумным весельем, что вызвано лишь обильными возлияниями, но никак не жизнерадостностью. Человек, который счастлив и весел, вряд ли пойдет в такое заведение. По крайней мере, так считал Паша. И он пришел в этот клуб.

Его столик был заставлен пустыми бутылками, беспорядочно разбросанные окурки, казалось, были специально брошены мимо пепельницы. Товарищ, с которым Паша пришел в это заведение, сейчас самозабвенно крутился в танце с какой-то новоиспеченной пассией, та, в свою очередь, старательно натирала ему пах своим выпуклым задом. Паша усмехнулся и залпом выпил остатки виски из бокала. «Что водка, что эта дрянь – запивать все равно нужно»: скривившись подумал он, но запивать было нечем, пришлось закурить новую сигарету.

Нет, он не был одним из тех пареньков, что любили шляться по клубам и тратить там деньги на дорогую выпивку и беспокойных девушек. Нет. Таким был его товарищ, с которым Пашу свела судьба еще в школе. С тех пор они часто выпивали вместе, естественно, не за Пашин счет. Сегодня же поводом для очередной пьянки стала... суббота. Да, повод, прямо скажем, неважный, но жаждущее алкоголя тело редко давало сознанию время для протестов.

Выкурив очередную сигарету, Паша решил освежиться. Встать со стула оказалось не самой простой задачей, будто магнит он притянул его обратно. Пришлось ухватиться за столик, и, опираясь на него, зафиксировать себя в вертикальном положении. Постояв так несколько секунд, чтобы дать телу привыкнуть к новым условиям пребывания в окружающем пространстве, он наконец-то тронулся с места. Какой-то огромный тип с татуировкой в виде дракона на руке, едва не прервал Пашино путешествие, сильно толкнув последнего плечом. Паша отлетел от него, как щепка от удара топора, благо рядом оказалась спасительная стена, которая уберегла его от падения. Татуированный что-то злобно крикнул, но его друзья забрали буяна, махнув на Пашу рукой, чему последний весьма обрадовался, все-таки схватка с подобным индивидом в его планы никак не вписывалась.

Тихо, опираясь на стену и стараясь следить за прохожими, во избежание повторных столкновений, Паша добрел до выхода. Пьяный мозг сигнализировал одну фразу: «Домой!». Прощаться с другом времени и сил уже не было, пришлось покинуть клуб по-английски, не прощаясь.

На улице было свежо, музыка и людские крики остались за дверями клуба, на улице же царила ночная тишина маленького, провинциального городка. Паша вдохнул поглубже, и поплелся в направлении своего дома. Благо идти было не слишком далеко, и его «автопилот» был натренирован преодолевать такие расстояния.

Голова безвольно опустилась вниз, так, что глаза могли видеть только асфальт под ногами, изредка Паша с усилием поднимал свой тяжелый центр мышления, чтобы убедиться в правильности выбранного курса.

Внезапно его руки коснулось что-то невероятно холодное, ледящей хваткой на его запястье сомкнулась чья-то рука. Паша чуть не подпрыгнул от неожиданности, ноги подкосились и повели его назад, но его удержали на ногах. Подняв полные удивления глаза, он попытался рассмотреть источник ледящего прикосновения.

Перед ним, держа его за руку, стояла хрупкая девушка с длинными, наверняка достающими колен, черными, как ночь, волосами. Одетая она была в белое платье, странного фасона, скорее, это было не платье, а сарафан. Пораженный такой встречей, Паша никак не мог собраться с мыслями и хотя бы поинтересоваться, с кем имеет честь держаться за руку.

– Ты. – Мягко, словно напевом, сказала черноволосая девушка и засмеялась.

Все это выглядело настолько неестественно, что Паша затряс головой, пытаясь прогнать видение. Как это ни странно, но ему это удалось. Леденящее касание исчезло, исчезла и сама девушка. Паша стоял на тротуаре в абсолютном одиночестве, и лишь легкий холодок на правом запястье напоминал о странной встрече.

«Домой!»: скомандовал мозг, оставалось лишь подчиниться, и Паша потопал дальше, что-то бурча себе под нос.

Подъезд. Обшарпанные стены и вонючая лужа в углу пролета. Ступенька за ступенькой. «Стоп, тут!»: действие опередило мысль, в ступеньки ударила тугая струя рвоты. Смерд свежего выброса, пожалуй, лишь дополнил общую картину, царившую в подъезде. В этой мало-семейке ежедневно находили приют различные, не совсем благопристойные, лица разных возрастов, всех их объединял асоциальный образ жизни. Впрочем, собой они и формировали отдельную часть социума, так что их действия вполне вписывались в рамки условной нормы. А давно сломанный кодовый замок, на жалостливо скрипящей петлями двери, стыдливо поблескивал кнопками, будто зазывая всех желающих в уютное, укромное местечко множить новое общество.

«Какая... Какой этаж? Третий?»: мысли обрывались, не успевая сформироваться. Картинка перед глазами была крайне нестабильной, постоянно стремясь перевернуться вверх ногами. Руки нащупали знакомую дверную ручку, ключ никак не желал залазить в замочную скважину. Паша тихо матерился и, тяжело дыша, сплевывал вязкую слюну прямо на пол. Щелчок, еще щелчок и скрип двери, отворяющейся внутрь. Тусклый лучик света осветил протертый коврик у двери и старый, еще советский, комод. Лучик исчез вслед за легким хлопком двери.

Путь от стены к стене, от порога до кровати пришлось проделать в темноте. Попутно раздевшись, ночной странник рухнул на кровать, мирно засопев уже через минуту.

Глава 1.

Луч солнца, проникший через дыру в старой шторке, уперся прямо в лоб Паше, но вдруг легким дуновением ветра покачнуло стекло открытой форточки, от которого и отражался луч света, проникающий через шторы, и солнечный зайчик заплясал по всему лицу спящего.

– Ммммм, – простонал Паша, пытаясь разлепить глаза, – уррррххммм.

Он стал тереть глаза, попутно пытаясь поднять себя в вертикальное положение. Как только ему удалось присесть на кровати, он схватился за голову.

– Уфф, блин... – тихо покачиваясь, бормотал он, – хорошо хоть домой дошел.

Он встал с кровати, и, покачиваясь, побрел в ванную, попутно споткнувшись о ботинок, оставленный вчера посреди комнаты, и чуть не запутавшись ногами в рядом лежащих штанах, уперся руками в стену, избегая падения.

Кое-как добравшись до ванной, он включил холодную воду и подставил голову под струю.

– О-о-о, зашибись! – подражая змее, прошипел он, и, быстро раздевшись, включил душ с той же холодной водой и, полностью забравшись в ванну, стал себя поливать, – а-а-аргх, вот это да!

Вчера Павел изрядно подвыпил, вернее, напился до состояния, которое именуют «дровами». Впрочем, вчера все сложилось несколько культурнее, чем обыкновенно. Не было никаких причин к подобным пьянкам, однако он их находил. Он находил утешительным напиваться до беспамятства и сидеть, мерно покачиваясь, вперив свой взгляд в стену. Тихо сетовать на свою нелегкую жизнь, на собственную беспомощность. Порой он бил стены, разбивая кулаки в кровь. Порой его буйства доводили его до вытрезвителя, где он встречал тяжелое утро.

Это продолжалось уже не первый месяц, после того, как его уволили с работы, по простейшей причине – сокращение штаба. Тогда он себя почувствовал ненужным, ко всему этому добавилось и расставание с девушкой, которая жила с ним целый год.

Друзей, как таковых у Паши не было, только знакомые. Друзья остались в далеком, солнечном детстве, нынче их сменили собутыльники. С ними он и напивался, а иногда просто один.

Все это не могло хорошо сказываться на его финансовом положении, из квартиры, которая ему досталась от родителей, уже пропал телевизор и компьютер. Выручить за эти вещи больших денег пьяница не мог, поэтому сейчас, пропив последнее, он остался без гроша в кармане и без воли к добыче денег способами отличными от продажи всего, что еще было можно продать.

Выбравшись из ванной, где он минуты две, прямо во время мытья, хлебал холодную воду прямо из крана, он побрел на кухню, в надежде найти там хоть что-то съедобное и, возможно, остатки алкоголя.

Впрочем, это предприятие успеха не имело, на кухне не было ничего съестного, только разбитый стакан на полу, грязная тарелка на столе, с уже пожелтевшими остатками майонеза, и кусок плесневелого хлеба. Холодильник был почему-то выключен из сети, под ним образовалась лужа талой воды, которая впрочем, уже высохла, оставив после себя грязные разводы. Открыв холодильник и заглянув туда, Павел тут же отпрянул оттуда, морща нос:

– Фу, чем там воняет, пусто же!

Резко захлопнув дверь холодильника, он сел на табурет, стоявший рядом со столом, выудил из пепельницы самый «большой» окурочек и попытался его раскурить. Дрожащие пальцы долго не хотели повиноваться хозяину, и правильно прокрутить колесо зажигалки. Почти отчаявшись, Паша все-таки смог зажечь огонь, и, подставив его к окурку, сильно затянулся. Неаккуратно поднесенный огонь слегка опалил ему волосы в носу, а сильная затяжка крепкого окурка вызвала приступ сильного кашля. Откашлявшись, Паша согнулся пополам, обхватив

себя руками на уровне живота, на глазах скапливались слезы, вызванные дымом, кашлем, и, видимо, снова настигшим хозяина отчаянием.

Просидев так с минуту, он медленно распрямился, еще раз затянулся тлеющим окурком, дым которого снова пополз в глаза. Морщась, Паша затушил окурочок. Стараясь не трясти дико трещащей головой, он поднялся и поплелся обратно в спальню.

Выглядел он довольно плохо, несмотря на то, что природа наградила его достаточно приятной внешностью: темные волосы и карие, широкие глаза, небольшой прямой нос. Чуть выдающиеся вперед губы и округлый подбородок. Широкие плечи, хоть и не были тренированы, но под одеждой их можно было спутать с теми, что могли бы принадлежать спортсмену. Довольно тонкие руки и ноги, которые, впрочем, не были столь уж слабы, как могло бы показаться. Стрижку Павел носил свободную, но короткую, пряча неостриженные над ушами волосы назад, за уши. Чуть намечающийся пивной живот портил картину, но идеальных людей не существует вообще, а Павел к этому званию не стремился вовсе.

Недавно он отпраздновал свои двадцать четыре года от момента рождения. Несмотря на свою молодость, он уже мог считать себя алкоголиком и неудачником. По крайней мере, так ему казалось.

Остаток времени до вечера, а проснулся он в два часа дня, Паша провел валяясь в кровати. Безуспешно пытался уснуть, что бы избежать головной боли, но та не отступала, как и неземная жажда, которую он все пытался утолить водой, набранной в ванной.

Ближе к вечеру ему удалось заснуть, проспав два часа он снова проснулся, ощущая себя собраннее, он уже не так пыхтел, поднимаясь с кровати. Голова уже не болела, просто немного кружилась, а в животе дико урчало.

– Надо бы поесть, хоть что-то, – проговорил он, набирая на еще не проданном телефоне номер, – Алло... Вадик, здорова, ну ты как, добрался?.. Хах, ну, а я тут вообще страдаю, слушай, есть у тебя в долг, а то вообще что-то я... Ну, я верну, я к маме съезжу и верну... Ага, ок, я буду у тебя через часик... Ну, давай, пока.

Быстро собравшись, он, постанывая, двинулся к выходу. Ключи были в двери, попытавшись их повернуть, он понял, что дверь была не заперта. Махнув рукой, он вынул их из замочной скважины и вышел из квартиры. Заперев дверь, он глянул на лестницу. Проклинаая этот пятиэтажный дом, в котором нет лифта, а жить его угораздило именно на пятом, он двинулся тяжело ступая по ступеням вниз.

Выйдя на улицу, он глубоко вдохнул свежий воздух полной грудью. Слегка кашлянув выдыхая, он двинулся вперед. Деревья уже начинали покрываться листьями, была середина апреля.

Пение птиц и яркое солнце на безоблачном небе, как и радостные крики играющих во дворе детей, могли бы порадовать Пашу, но не сейчас. Сейчас дети казались бездушными созданиями, что своими воплями старались истерзать всю душу нашему страдальцу, туда же были приписаны и птицы. Солнце, нещадно пекшее прямо макушку Павлу, было подобно глазу дьявола, будто стремившемуся расплавить и без того большую часть тела.

Денег на общественный транспорт у Паши не было, поэтому получасовая прогулка была неизбежна. С каждым шагом походка становилась увереннее, тело приходило в себя, хоть неприятное чувство в животе и горле никуда отступать не собиралось, а жара казалась чрезмерной, ведь он второпях оделся не по погоде.

Дойдя до подъезда, в котором находилась квартира вечного собутельника, а по совместительству бывшего одноклассника Павла, путешественник набрал давно заученные цифры на домофоне, и стал ждать ответа.

– Да, кто там? – послышался женский голос из динамика.

– Здравсте, тетя Света, а Вадика можно?

– Можно, можно... – недовольно прокряхтел женский голос, и, удаляясь, прозвучал снова, – иди, там тебя, пьяница малолетний!

Через несколько секунд домофон снова загудел:

– Паша, это ты?

– Да, открывай ворота.

Писк. Дернув за ручку, Павел открыл дверь, и вошел в прохладный подъезд. Поднявшись пешком на второй этаж, он поприветствовал рукопожатием человека в шортах и майке, ноги которого украшали сланцы. Это и был Вадик, высокий, тощий, с длинными волосами он никак не походил на статус ребенка из богатой семьи. Впрочем, не настолько богатой, чтобы кататься на «бэнтли» и раскидывать в стороны охапки денег, однако денежные расходы Вадика в сравнении с расходами Паши были похожи на реку и ручеек. Собственно, не зря последние пьянки и проходили за счет Вадима.

– Ну как ты? – первым делом поинтересовался Вадим.

– Да так, голова болит, руки трясутся, как обычно, – рассмеявшись, ответил Павел, – Нормально в общем, а ты что?

– То же самое, сколько тебе, я ж не банк, мамка что-то бушует, говорит ни копейки больше не получу, – усмехнулся Вадик, – я же вчера как домой пришел, упал в пороге, зацепился за что-то, зеркало побил, потом в зале еще и стол стеклянный побил. Ой, мамка бегала, прыгала, я чуть убежал от нее, сегодня пилит весь день...

Дело в том, что Вадим хоть и был сыном не бедной семьи, но жил по-прежнему с мамой и папой, который сейчас был в отъезде по работе. Впрочем, это было нормально, учитывая, что он обучался на последнем курсе университета. Как говорил ему отец, по получении диплома ему предстоит уйти на все четыре стороны из родительского дома. Мама же была из разряда вечно сюсюкающих, и всячески сына перед отцом выгораживала, обещала давать ему денег, и найти квартиру. Такая мама, должно быть, могла бы найти Вадику не только квартиру, но и жену, работу и наверно, все, что составит его жизнь.

Вадим не выказывал несогласия такому положению вещей, и вообще был человеком мягким, и податливым, что было следствием вечной опеки матери.

– Да ладно, мамка тебе голову поморочит, и снова полные карманы напихает, – с улыбкой проговорил Паша, – давай сколько есть, я все верну.

– Ну, держи, – отсчитав несколько купюр, Вадик протянул их просящему, – вернешь потом, а сейчас пойду я, потом созвонимся, там мама кушать приготовила, нужно идти.

– Ну, давай, – протягивая руку, кивнул Паша.

Выйдя из подъезда, Паша выдвинулся прямоком к расположенному рядом ларьку со стоящими рядом зонтиками и столиками.

Купив на одолженные деньги литровую пива и беляши с пирожками, которые по замыслу должны были содержать мясо, рис и капусту, он уселся за свободный столик и принялся «поправлять здоровье».

Покончив с импровизированным то ли обедом, то ли ужином, он достал из купленной в том же ларьке пачки сигарету и закурил. Насладившись ею, он встал, и побрел в сторону вокзала, с намерением сесть в электричку, идущую мимо той самой деревни, где он вырос, где сейчас жила его семья. От станции до деревни было около километра пути через лес.

Пиво, выпитое за обедом, взбудрило алкогольные чувства Павла, и, не удержавшись, он забрел в магазин, рядом с вокзалом, купил бутылку водки, несколько сосисок и литровую бутылку крепкого пива.

Он вроде бы понимал, что напиваться до беспамятства снова, да еще и в дороге к родителям – плохая идея, но, сославшись на горькую жизнь и бессилие с ней бороться, он поплелся за билетом держа в руке пакет с покупками.

– До Репкино, пожалуйста, – протягивая деньги в окошко, пробормотал он.

– Один? – неодобрительно взглянув на него, спросил кассир.

– Да.

Собственно, выглядел он и впрямь плохо, протертая на правом плече куртка, в результате частых столкновений со стенами при пьяных прогулках, небритое лицо с опухшими глазами, потерянный взгляд и неустойчивое положение ног. Все это не внушало доверия к Павлу.

Взяв билет, он пошел ждать своей электрички. В ожидании, он открыл бутылку водки, запивая ее пивом, и, чтобы не корчиться от неприятного вкуса этих низкосортных напитков, покусывал сосиску. Выглядело все это более чем плачевно, однако Павлу было плевать.

Дождавшись своего транспорта, он неровной походкой взобрался в вагон и плюхнулся на первое попавшееся свободное сидение.

Во время поездки он прикончил остатки своего приятного вечера, хоть это и возбранялось правилами, которые красовались у него перед глазами на стене вагона.

Окончательно опьянев, он чуть не пропустил свою остановку. Небо потемнело, по всей видимости, собиралась весенняя гроза. Можно было бы переждать тут, на станции, но Павел не был способен ясно мыслить, и поплелся по знакомой дороге в лес, надеясь не сильно промокнуть и успеть дойти до дома, пока ливень не разразится неудержимой стихией.

Расчеты его были в корне не верны, едва он вступил под покров леса, крупные капли забарабанили по листьям, стекая ему на голову и плечи. Теперь он уже не жалел о надетой куртке, стараясь вжать голову в воротник. Ежась, он плелся почти не разбирая дороги. Вдруг грянул гром, почти сразу блеснула молния, гроза была почти прямо над Пашей. Его пьяное воображение стало рисовать ему непонятные звуки и тени, якобы скрывавшиеся в шуме дождя. Сердце учащенно забилося, он побежал быстро, как мог. Продираясь через кусты, он явно отклонился от тропинки, которая вела в деревню. Он бежал, оглядываясь, и порой вскрикивая, когда молния озаряла все вокруг, сопровождая эти озарения раскатистым ревом грома. И вот, уже почти запыхавшись, во время очередной вспышки он поднял голову. Последнее что он увидел, была толстая, горизонтально расположенная на уровне лба, ветка какого-то дерева. Со всего разгона вмазавшись головой в эту самую ветку, Паша упал вниз, на землю, высоко подбросив ноги. Ощутимо ударившись еще и о землю, он потерял сознание, оставшись лежать в лесу один, под ливнем.

Глава 2.

-Кар-р-р! – громогласно раздавалась, почти над ухом Павла, достаточно неприятная воронья речь, – Кар-р-р!

– Что за... – Павел разлепил глаза, и, недоумевая, стал озираться вокруг, – Это я где?

Как по заказу, в мозгу пьяницы вереницей пронеслись воспоминания о вчерашнем веселом путешествии в лесу, охваченном стихией:

– Ох, вот это да...

Кряхтя, он стал подниматься, голова трещала еще сильнее, чем вчера, видимо не только от похмелья, но и от знатного столкновения с веткой. На той самой злополучной ветке сидела ворона, любопытно осматривая свою потенциальную добычу. Поняв, что никакая это не добыча, и тело стало двигаться, показывая, что оно живое, ворона встрепенулась, и, замахав крыльями, улетела прочь.

– Вот и лети... – не найдя должного обидного слова в своей тяжело воспринимающей мир голове, Павел добавил, – Ворона!

Та, видимо обидевшись, еще раз громко каркнула, откуда-то из-за веток, и более ни чем о своем присутствии не напоминала.

Оглядев себя, неудачливый путешественник понял, что штаны измазаны грязью, в таком же состоянии он обнаружил и куртку. По голове пульсирующими волнами расходилась нестерпимая боль. Ее источником была опознана огромная шишка на лбу, Паша долго ощупывал ее, пытаясь понять, не занимает ли она весь лоб.

– Вот это я выдал... – пробормотал Паша, и, попытавшись сориентироваться, оглянулся назад.

Там, откуда он прибежал вчера, тропинки не было, да и следы его были размыты прошедшим ливнем. Судя по сломанным и растрепанным кустам, прибежал он прямо через них, а стоял он прямо среди зарослей, можно сказать, в дремучем лесу.

– Откуда здесь вообще такая чаща? – удивленно прошептал Павел, – лес же молодой, вырубают постоянно.

Махнув рукой, он поплелся налево, предполагая найти там тропу. Сегодня его движения не были столь резки в сравнение с вчерашним рывком «домой», и он кряхтел и постанывал, пробираясь сквозь прямо-таки стеной растущий подлесок.

Где-то около получаса продираясь сквозь все эти дары природы, Паша уже устал обнаруживать все новые и новые болячки – последствия вчерашней гонки и ее финала. Колено оказалось ушиблено, руки обцарапаны по локоть, несмотря на то, что находились вроде бы под защитой плотной кожаной куртки. Многочисленные гематомы, одна из которых, по всей видимости, украшала его правую ягодицу, очень сильно затрудняли передвижение, да еще и в таких экстремальных условиях. Венчала список ранений прошедшего боя с лесом бойца огромная шишка, украшавшая лоб лесного спринтера.

Блуждая еще полчаса в лесном массиве, Павел наконец-то понял, что идет куда-то не туда. Ситуацию усложняло то, что местонахождение этого самого «туда», заблудившемуся путнику было абсолютно не известно.

Решив, что менять направление будет бессмысленно, ибо лес, насколько ему было известно, не был большим, и он попадет либо к речке с одной стороны, либо к станции или самому железному пути с другой, или же выберется прямо к окрестностям искомой деревни в третьем варианте. Четвертый вариант предполагал под собой все ту же железную дорогу, которая так или иначе приведет к населенному пункту.

Не отчаиваясь, Паша принялся усердно шагать в том, как ему казалось, изначально выбранном направлении. Вскоре он услышал шум ручья. Собственно, ручья он здесь не пом-

нил, только речку, берег которой упирался в этот самый лес, и, решив, что это именно та самая река, которая ему с детства знакома, он прибавил шагу, стараясь как можно быстрее выбраться к ней.

Если идти вверх по течению этой речки, на которой, когда-то в детстве он рыбачил с его друзьями, можно попасть в деревню, в которой и доживали век его родители, и еще пару десятков таких же семейств.

Родился Паша именно в этой деревне, когда ему исполнилось двенадцать, его родители получили квартиру в близлежащем городе, отец устроился там работать на завод, а мама в школу поваром. Таким образом, они и перебрались в город. Паша был поздним ребенком, его маме было уже за сорок, когда она его родила, а отцу все пятьдесят. Поэтому в его двадцать четыре они уже оба выбрались на пенсию, и уехали жить в деревню, оставив сыну городское жилище.

Вскоре, по звуку воды, Паша выбрался и к его источнику. Им оказался весело журчащий ручеек, который неизвестно откуда мог взяться в этом лесу. Впрочем, удивляла и густота леса, наводя на мысли, что лес был совсем не тот, в котором предположительно должен был находиться Павел.

–Что за дела?– оглядываясь по сторонам, простонал путешественник,– так...

Копаясь в памяти, Паша стоял на берегу оврага, на дне которого протекал лесной ручеек. Лес, к слову, и не думал заканчиваться, вокруг стояли деревья, разве что подлесок немного поредел.

Придя к выводу, что ошибиться станцией Паша не мог, а другого леса в ее окрестностях быть не может, страдалец спихнул наличие ручья и густого подлеска на свою неосведомленность о последних событиях, происходивших здесь. И правда, мало ли что могло тут вырасти и появиться за те четыре года, что он здесь не бывал? С родителями он виделся, когда те сами приезжали к нему в гости, а вот сам он в деревню не ездил, как-то не было нужды. Закатки и другие продукты сельскохозяйственной деятельности ему заботливо привозил отец, заодно приезжая в город за покупками вещей, которых в деревне не достать.

Махнув рукой, Павел на авось поплелся вдоль ручья по его течению. Пройдя где-то с километр по извилистому краю оврага, Паша остановился передохнуть и осмотреться. Склон оврага становился все более крутым, он нависал над ручьем, грозя вот-вот обвалиться, сдерживаемый лишь травой и корнями деревьев. Павел не обратил на это должного внимания, и, сделав очередной шаг, вдруг понял, что теряет опору под правой ногой, заваливаясь набок, прямо в сторону ручья. Он успел взмахнуть руками, пытаясь удержать равновесие, однако эта попытка не увенчалась успехом, и он покатился вниз, зажмурив глаза и плотно закрыв рот, чтобы не наглотаться песка.

Сделав пару замечательных кульбитов, которые, быть может, оценили бы на олимпиаде, он наконец доковыркался до дна оврага, погрузив ноги в воду, а головой ткнувшись во что-то брякнувшее железом. В нос ударил едкий запах разложения, будто где-то совсем рядом подохло и лежит на солнышке какое-то зверье.

Разлепив глаза, и уткнувшись взглядом в то, что и послужило причиной столкновения его головы с чем-то металлическим, Паша дико завопил.

– А-а-а!, – суетливо загребая песок руками и ногами в попытке отползти от увиденного, Паша продолжал неистово вопить, – а-а-а!

Моментально растеряв силы, в приступе рвоты он излил прямо в ручей содержание своего и без того многострадального, полупустого желудка.

– Что за на фиг? – тихо лепетал он, подрагивая, и понемногу продолжая отползать, – что это за на фиг?

Других слов он не находил. Паша просто не мог отвести взгляд от пустых глазниц на лице, украшаемом густой бородой и остатками запекшейся крови смешанной с грязью. Лицо при-

надлежало мертвецу, облаченному в уже начинающую ржаветь кольчугу, ярко красные штаны с железными наголенниками, сапог на мертвеце не было. Продырявленный шлем лежал чуть сбоку от головы, видимо скатившись с нее при последнем падении человека. Кольчуга была пробита на груди, саму дыру обрамляла кучка опарышей, суетливо копошащихся в гниющем мясе. Опарыши имелись и в пустых глазницах. Все это зрелище вызывало новый приступ рвоты у Паши. К сожалению, кроме желчи изливаться организму было нечего, и, оставляя ужасный привкус во рту, она стекала по губам страдальца.

Он пытался понять, откуда в лесу двадцать первого века мог взяться заколотый воин в средневековом облачении. Он знал, что есть ролевики, но те обычно не убивают друг друга, а если и убивают, то, наверно, стараются закопать тело, чтобы не угодить за решетку. Тут же на лицо обычное убийство, которое, наверно, имело место быть где-нибудь в прошлом, но никак не в нынешних реалиях.

Паша не переставал отползать, вскоре он уже перестал чувствовать запах гниения, и обессилев, лег на песок рядом с ручейком, пытаясь собраться с мыслями.

В животе урчало, горло жгло, слюна была вязкой, но выплюнуть ее сил не было, перед глазами стояла только что увиденная картина с мертвецом. Едва оклемавшись, Паша принялся жадно хлебать воду прямо из ручья, благо та была прохладной, и выглядела чистой. Не удержавшись в равновесии на коленях, он ткнулся в песчаное дно ручья лицом, хорошенько зачерпнув его ртом и носом. Тут же отпрянув от дна, Паша принялся плевать, попутно пытаясь очистить глаза.

–Проклятье! – взвыл он, натирая глаза до слез, – что здесь вообще происходит?!

Завалившись на спину, он лежа провел еще минуту, пытаясь понять, что нужно делать в такой ситуации.

Вспомнив о полиции, службах спасения и прелести цивилизации, мобильной связи, он суетливо стал шарить по карманам, в поисках своего телефона. Выудив его из недр джинсового кармана, он глянул на треснувший, но все-таки рабочий дисплей телефона.

«Нет сети»: гласила надпись, расположенная по центру светящегося экрана. «Не удивительно, я ж в лесу»: подумал Паша и поднялся на ноги.

«Так, ладно, позвонить я не могу, идти его разглядывать и искать документы я тем более не могу, значит нужно выйти из леса и кому-нибудь рассказать»: мыслил он, попутно вытаскивая гнутую сигарету из потрепанной пачки. Чиркнув пару раз зажигалкой, он закурил.

Вот так вот блуждая в тягостных раздумьях, он выкурил сигарету, и вроде бы успокоился. Стоит ли говорить, что от похмелья не осталось и следа. После пережитого стресса, мысли, пусть и редкие, стали яснее, чем у шахматиста. Павел четко понимал, что выбраться из леса можно по ручью, который наверняка впадает в доселе искомую реку, значит идти нужно по течению. Для этого придется еще раз пройти мимо труп, но он уже был морально к этому готов, тем более рвать его уже было нечем.

Он встал, и медленно, с опаской, поплелся вдоль узкого берега ручья. Подняться наверх по оврагу не представлялось возможным, уж больно было высоко и круто.

Дойдя до места, где лежал труп, он увидел, что тот никуда не пропал, и продолжал глядеть на Пашу своим безучастным, невидящим взглядом. Быстро прошагав мимо, стараясь не дышать, Павел чуть ли не бегом ринулся прочь от этого места.

Сумбур в голове снова появился, мысли цеплялись одна за другую, не рисуя общей картины. Путешественник просто двигался вдоль ручья, подобно роботу. Около часа он плелся подобным образом, пока, к своей радости, действительно не вышел на берег реки.

Река, что текла возле его родной деревни, не отличалась большой шириной, и от берега к берегу проплыть мог и ребенок. Река же которая предстала перед его взором вовсе не походила на речку-вонючку из его воспоминаний. Берега не были заросшими камышом и заиленными, чистый песок с ракушками образовывал довольно широкий пляж.

Прямо посередине реки плыла деревянная лодка, с единственным пассажиром, старцем в серой рубаше и синих штанах, закатанных по колено. Его сильно загоревшее лицо обрамляла длинная седая борода, из головы растрепанно торчали седые волосы, а жилистые руки втягивали на лодку сеть.

«Ну, дед, да и дед»: подумал Паша, пытаясь припомнить этого старика среди жителей Репкино.

Припомнить ему удалось только деда Макара, который рыбной ловлей точно не промышлял, но, был довольно таки похож на встреченного Павлом рыбака.

– Дед Макар, это ты? – закричал Паша, размахивая руками.

Дедуля удивленно, и даже как-то дергано поднял голову, и, видимо, пытаясь разглядеть кричащего, принялся поочередно прикладывать руки ко лбу козырьком. Дело возможно бы дошло и до изображения руками некоего бинокля, который, впрочем, никак бы не помог восстановить утраченное с годами зрения, но дед осознал это раньше, и просто стал грести веслом, ведя лодку ближе к берегу.

– Ты кто такой, и чего ты из лесу-то выбрался? – прошамкал дед, подплыв на близкое расстояние, – вот коли б не день на дворе был, я бы тебя с упырем попутал. Ну, точно упырь же, чур меня, – плюнув через плечо проговорил дед.

– Какой я тебе упырь?, – удивленно уставившись на старика, говорил Паша, – Из лесу, потому что запутался... Как до Репкино пройти, Макар?.

Паша все еще был уверен, что это Макар, который слегка похудел и зарос, наверно от того, что бросил пить сивуху и принялся за рыбную ловлю.

– Что за Репкино? И сам ты Макар, тебе что, голову напекло, Говен я, – не менее удивленно ответил дед Говен, – Ты точно не упырь? А не то я тебе веслом-то по башке надаю, так и знай, я хоть и старей, да удалой!

– Да не упырь я! – вскричал Павел, – я человек, сам ты упырь!

– Ну, не упырь, так не упырь, чего завелся, мало ли вас тут ходить, – пробормотал дед, – вон давеча якиеся воины приходили, в лес в этот и ходили, стало быть, разбойников ловить, только не пришли они более, вот и упырей будет много, стало быть...

– Дед, что ты мелешь, какие воины, какие упыри? – позабыв о своей лесной находке, Паша решительно не понимал, дед сумасшедший, или смеется над ним, – позвонить тут откуда можно, где у вас тут люди живут?

– Позвонить? – дед недоуменно уставился на пришельца, – ты чего это удумал, рыбу мне всю распугаешь, найди себе железяку, иди в лес, там и звени себе, авось медведь тебя задерет, и поделом тебе, ишь чего удумал, звенеть собрался!

– Дед, ты что несешь? Телефон тут где? – уже крича на деда, негодовал Паша.

– Пилифон? Какой Пилифун! Ты упырь чего тут непотребства всякие говоришь! – разволновался дед, яростно помахивая своим веслом, – Я тебе сейчас упырь покажу.

Однако вопреки своим угрозам, веслом он принялся усердно грести, отводя лодку подальше от берега, бормоча себе под нос какие-то проклятия и ругательства, сетуя на неспокойные времена.

– Да и пошел ты, старый дурак! – крикнул ему Паша в след и побрел дальше вдоль берега.

«Сумасшедший какой-то, точно не Макар»: думал он, шагая вперед.

Вскоре он увидел столбики дыма, по всей видимости, идущие из печных труб деревенских домиков. «Почти лето же на дворе, зачем им печи топить, газ же вроде у всех был?»: недоумевая, подумал Паша.

Подойдя к деревне настолько, чтобы иметь возможность ее разглядеть, Паша еще больше удивился. Асфальта никакого не было, (а на главной дороге вроде как еще недавно он был), по улицам бегали и куры, и гуси, и даже голопузые детишки, перепачканные дорожной пылью.

Если гуси и куры в родной деревне были бы вполне привычны, то такого количества детей, да еще и почти полностью голых, Паша никак не мог объяснить.

Вместо стариков по улицам расхаживали вполне себе молодые хозяйки в каких-то странных нарядах, похожих на те, в которых плясали и пели на концертах, изображая древних славян. Неподалеку на лугу паслись коровы, которых в Репкино можно было насчитать не больше четырех. Тут же явно было целое стадо, не меньше тридцати голов.

Паша вышел к деревне не по дороге, которая пересекала всю деревню, появляясь откуда-то издали, чтобы уйти противоположную даль, а со стороны пастбища, на котором росла высокая трава. Извилистая дорога была раскатана явно не машинами, узкие колеи были скорее оставлены какими-то твердыми и узкими колесами. Скорее всего, телегами, одну из которых тянула в деревню худенькая лошадка.

— Это что за?.. — тихо проговорил себе под нос заблудившийся странник.

Вдруг его взгляд уперся в группу людей, которые двигались к нему, высоко поднимая над головами вилы и какие-то подобия то ли копий, то ли просто длинных палок. Группа состояла из бородатых мужчин, на некоторых даже были кольчуги, позади них, подвывая, шли женщины, периодически что-то громко выкрикивая. Паше удалось разглядеть и недавнего знакомого, который, видимо, уже успел приплыть в свою деревню, и созвать всех этих людей.

Начиная чувствовать неладное, Паша оставался стоять на месте, отчаянно пытаясь понять, бежать ему, или идти к людям. Выглядели они явно не дружелюбно, видимо, дед наплел им с три короба, и теперь его считают преступником. Воспоминания о найденном в лесу трупе только подкрепили панику в душе Павла, и он, заикаясь, проговорил:

— Эй, люди, вы чего?!

— Бей упыря! — закричал дед Говен, тыкая в него указательным пальцем и размахивая веслом, — бей окаянного!

Люди моментально окружили обомлевшего и подрагивающего Пашу, впрочем, тыкать его вилами они пока не торопились, видимо понимая, что он не агрессивен, а дед Говен мог и попутать что-то в своих-то годах.

— Дед Говен, перестань кричать, где это ты видел говорящего упыря? Те же только мычат, — заговорил чернобородый мужик, покачивая рогатиной, — ты же говорил с ним?

— Ну, говорил, а может это какой умный упырь, видишь, как одет, может вообще колдун какой, — стоял на своем Говен, выпячивая губу и резко покачивая головой из стороны в сторону.

— Полно тебе, навывдумываешь, — выставив руку вперед, чернобородый мужчина прервал заведшегося было дедка, и, повернувшись к диловинному незнакомцу, спросил, — Ты, человек?

— Человек! — негодуя заявил Павел, даже притопнув ногой. — Не упырь я и не колдун, что за сказки такие?

— Сказки не сказки, а народ ты пугаешь видом своим, давай живехонько рассказывай, кто такой, и откуда взялся тут?

— Коробов Павел Валерьевич я, к родителям в Репкино попасть хочу, погостить. Вот, заблудился вчера в грозу, потерялся, деда вашего встретил, а он меня упырем называет и веслом побить грозит.

— Что за такое Репкино, нет тут никакого Репкино, стало быть, сильно ты заблудился, — почесывая бороду, заверил пришельца мужик, — И что, все так в твоём Репкино одеваются?

— Ну, все не все, да только это у вас одежды странные для нашего времени, а не у меня.

— Ты на наши одежды не клевети, все мы одеваемся, как надо, — было непонятно, раздражается чернобородый, или же просто подшучивает, — А вот ты нет, и что это у тебя за время такое?

— Ну, двадцать первый век, какое ж еще...

— Это от какого момента двадцать первый век?

– Ну, от рождества Христова, – недоуменно отвечал Павел.

– Какого Христова, таких мы тут не знаем, а время сейчас шесть тысяч и шесть лет от Великой победы.

– Блин, что-то я вообще вас не понимаю, – Паша не на шутку испугался, – А телефон у вас тут есть?

– О, пилифун ему нужен, вон какие слова гнет, – тут же вскричал дед Говен, – Звонить он им хочет! Подмогу упыриную призывать собрался!

– Так, поведем мы тебя к волхву Еремю, он тебя и расспросит, а то ты сейчас наплетешь нам с три короба! – сказал мужик, и, развернувшись, пошел в деревню.

Паша почувствовал довольно болезненный тычок в спину, и, чуть не упав, поспешил за чернобородым, не заставляя приглашать себя заново. Процессия во главе с чернобородым и пленником вошла в деревню и двинулась по направлению к дому на отшибе, возле которого стоял какой-то деревянный столб с изображением бородатого старика, вырезанном на нем.

– Ну, чего пришли, кого привели? – спросил вышедший из дому старик.

Выглядел он действительно старым, но держался достойно, не сгорбленный, с мощными руками, одна из которых держала посох. Колыхающаяся длинными прядями седая борода до пояса, и голубые, глубоко посаженные, казалось бы смотрящие в самую твою суть, глаза. Летящие, высоко расположенные брови, и длинные седые волосы, сдерживаемые соломенным плетеным обручем. Все это хоть вроде бы и не выделялось чем-то необычным, в сравнение с иными обитателями здешних мест, но странным образом создавало картину человека, от которого прямо-таки веяло силой и мудростью.

Паше человек не показался враждебно настроенным, хотя опасения его и не думали покидать, потому что вся ситуация ничего хорошего ему не сулила.

– Да вот, незнакомец к нам из лесу вышел, людей видом пугает, кто такой объяснить толком не может, дед Говен за упыря его принял, – ответил все тот же чернобородый, видимо, играющий роль предводителя всего собранного на поимку «упыря» отряда.

Тогда волхв Еремей, а это был именно он, посмотрел на Пашу, да так пронзительно, что тот даже пошатнулся, инстинктивно пытаясь избежать зрительного контакта.

– Человек это. Где ты таких упырей видал? Упыри летают ночью, кровь сосут, а этот и на вурдалака не похож... – поглаживая бороду, говорил старец, – вот что, вы идите все по делам своим, а с ним я сам разберусь, не буйный он, я вижу.

– Как скажешь, Еремей, – сказал чернобородый и поклонился старцу, обернувшись, он напоследок погрозил пальцем Паше, и гаркнул, – чего стали? Расходимся, или не все Еремея слышали?

С гомоном толпа двинулась назад, все перешептывались, но утолять свое любопытство не решились, видимо Еремей и чернобородый имели свой авторитет в этой деревне, раз даже Говен не стал вопить про упырей и вилы, чем занимался во время их похода к дому волхва, бегая вокруг Павла и размахивая веслом.

Когда все ушли, оставив волхва и «упыря» наедине, старик сказал:

– Ну, чего встал, пойдем в дом, там и поговорим, – и, не оборачиваясь, зашел в дом.

Снаружи дом выглядел крепким, и довольно высоким. Окон на стене, где была расположена дверь, не было, однако в прихожей не было темно, так как окна были рядом, на боковых стенах. Сам дом был построен из бревен, сложенных друг на друга, и чуть выходящих за пределы самих стен, образованных ими. Никакой затейливой конструкции Паша не заметил, обычный прямоугольник, фундамент был сложен из валунов на которые и были положены бревна. Щели были законопачены так, чтобы ветер не проникал в дом. Крыша была покрыта колотой деревянной черепицей, а дом украшали различные резные панели с изображением зверей и птиц, какими-то символами и рунами. Хорошо разглядеть их Павел не успел, так как поспешил войти в дом за Еремеем.

Внутри дом представлял собой прямоугольник, разделенный на секции какими-то перегородками, смастеренными уже после возведения дома. Было темно, через маленькие окна, залепленные то ли какой-то кожей, то ли еще чем-то, что опознать Паша был не в силах, свет пробивался еле-еле. Возле печи были развешены рядами от стены к стене веревки с различными сушеными травами, терпкий аромат которых наполнял дом, вызывая желание чихнуть, что и произошло с Пашей.

– Аапчхьи! – слегка согнувшись, раскатисто чихнул гость, стараясь прикрыть рот рукой.

– Здоров будь, – сказал в ответ на чих старик, – Ну, рассказывай, кто таков, откуда пришел?

– Из Каминска приехал, со станции через лес пошел в Репкино, ночь, гроза, заблудился, по лесу блуждал, на речку вышел, – опуская некоторые подробности, стал отрывисто повествовать Паша, – там Говен, я его и спросил, где я да как до Репкино дойти.

– Понятно, – старик принялся мерно поглаживать бороду, с любопытством разглядывая своего гостя, – присаживайся.

Указав на лавку возле стены, старик пошел к печи, и обращаясь к Паше, продолжил:

– Стало быть, совсем ты заплутал, не слышал я о таких местах, какие ты называешь, – доставая из печи ухватом чугунок, из которого шел пар, говорил он, – одет ты больно странно, грязный весь, как из печи вылез...

– Да чего странно-то, ну, грязный я, это да, но вот одежда у меня вполне нормальная, обычная, – возмущившись, перебил волхв Паша.

– А я тебе говорю, странно, не по-людски, никто таких одежд тут не носит и не шьет, и за морями не шьют, – чуть помедлив, волхв добавил, – а с какого ты краю?

– С краю?.. – пытаюсь сообразить, чего от него хотят, пробормотал Паша, – ну, из России, страна такая, в которой мы живем, и вы тоже.

– России? – удивленно подняв брови, спросил волхв, – нет, ты может там и жил, а мы сейчас подле Князьграда, в Светлом княжестве.*

*(Все города, княжества, страны и села являются вымышленными, кроме страны Россия, из которой явился главный герой. Любые совпадения с реально существовавшими названиями случайны.)

– Где? – чуть не поперхнулся гость.

Паша стал напряженно размышлять, он полагал, что до такой белочки допить было бы трудно, тем более что сейчас он трезв, а значит, он напоролся либо на тех самых ролеви-ков, что непонятным образом отстроили тут себе целую деревню, либо на деревню, в которой живут старообрядцы. Ни то, ни другое не могло терпеть разумной критики, ибо на-личие старообрядческой деревни возле одного из административных центров европейской части России не могло оставаться в тайне, места были обжиты и полностью разведаны, и спихнуть на широту Российских просторов было никак. Вариант с ролевиками тоже не мог быть ясен, те играют во что угодно, и понятно, что не обязательно в эльфо-хоббитов, но строить целую деревню, с домашним скотом, детьми и прочими атрибутами реальной жизни, да еще и чело-века, не принадлежащего к игре, так пугать и тыкать вилами, это уже, пожалуй, был бы пере-бор. Однако иных объяснений происходящему Паша не находил. Конечно, в его голову закра-дывались мысли, предполагающие собственное сумасшествие или перенесение во времени и пространстве, однако они были еще более нелепы.

– Где мы? – еще раз повторил Павел, – В каком княжестве?

– В Светлом княжестве, – ставя на стол чугунок, ответил старик.

– Понятно, отлично, с кем оно граничит? – Паша решил поддержать разговор, чтобы попытаться уличить старика во лжи.

– Много с кем. На востоке и юге племена кочевников, государств они не имеют, – поводя рукой над чугуном, волхв продолжил, – еще южнее живут ромеи, целая Империя, только

нелады у них, поговаривают, будто уже две стало Империи, на севере и западе другие княжества, там народ почти как наш, рядом с ними варяги обитают, суровые северяне. Да и мелких народцев рядом не мало, те же великаны рядом живут...

– Вы надо мной смеетесь, что за бред, какие Империи, какие великаны?

– Так, цыц, я еще не обезумел, а вот ты, наверно, да, – прикрикнул на гостя волхв, – Значит, не знаешь ты таких мест, и не слыхивал никогда, а я о твоих не слыхивал...

Дед присел на лавку рядом с Пашей, и уставился в окно. Увидеть улицу он вряд ли мог, но смотрел именно туда.

– Значит, из лесу ты пришел?

– Из лесу.

– И гроза была?

– Была, и я бежал, и головой об ветку ударился, упал без сознания, утром в лесу очнулся, к вам и вышел... – решив не опускать подробностей, рассказал Паша.

– Та-а-ак, – протянул старик, и, резко поднявшись с лавки, зашел в одну из секций, через минуту выбежав оттуда с какой-то деревянной табличкой, сказал, – Внемли мне!

Прокашлявшись, он, вперив взгляд в табличку, собираясь что-то читать с нее, а через секунду заговорил:

– И... так, так, так, а, вот оно, – взглянув на Пашу, желая убедиться, что тот внимательно слушает, старик снова опустил глаза на табличку, – И явиться он с молнией Перуновой из ниоткуда, дабы сразиться со злом, и возвернуть порядок да равновесие!

– И что? Бред какой-то...

– Бред? Сам ты бред, отрок малоумный, сам Перун тебя сюда направил! – как-то торжественно потрясая табличкой, ораторствовал старец, – Ты – герой, самими богами избранный для искоренения зла!

– Понятно, я герой, это очень хорошо, где тут ваше зло? – уже поняв, что старик явно не такой уж и внушительный, как казалось сразу, а попросту обезумевший, спросил Паша – Пойду его бороться!

– Ты не юродствуй, зло оно завсегда прячется да силы копит, не знаю я зла никакого, чтобы герой был нужен, однако найдется тебе и зло и добро...

– Понятно, герой есть, зла нету, пойду тогда домой? – прервал его Паша, уже поняв, что нужно просто идти обратно в лес, поискать там железную дорогу и выйти к людям, нормальным людям.

– И куда ты пойдешь? – вопросительно глянул на него старик, – Да тебя первый патруль княжеский заколет, как увидит. Сразу в баньку сходишь, потом поедим, а там и думать будем.

С этими словами старик вышел из дому, что-то приговаривая про баню.

Паша понял, что просто так ему отсюда не выбраться, решил пока не убегать, тем более что помыться ему не помешает, да и живот жалобно урчал. «Можно же и поесть, а там и деру дадим»: думал он, сидя на лавке и стараясь понять по запаху, что же там в чугунке.

Размышляя о том, как именно он будет покидать это место, и куда ему нужно будет идти, он не заметил появившегося в дверях волхва:

– Давай, пошли, в баньке попаришься, – сказал дед, махнув ему рукой с призывом идти за собой.

Паша быстро поднялся и последовал за старцем. Они вышли во двор, и, пройдя вдоль стены дома, попали за него. Там стояла баня – довольно не большой, но построенный тем же манером, что и основной, домик. Старик остановился перед входом, открывая дверь сказал:

– Разденешься тут, пройдешь дальше, помоешься и дуй домой, оденешься в то, что я там приготовил, твое одеяние стирать надо, да и не подходит оно к здешним местам.

– И куда я его, одеяние мое? – иронично поинтересовался Паша.

– Постираешь, да в сумку положишь, вот только сапог у меня нет никаких, в своих походишь, в глаза бросаться не будут, – сказал Еремей и ушел.

Решив, что местная одежда позволит ему избежать повторных столкновений с местным населением, Паша вошел в предбанник. Помещение было тесным, из интерьера имелись две лавки и голые стены. На одной из них был аккуратно уложен сверток с одеждой, заготовленной волхвом, разглядывать ее Паша пока не стал. Он быстро разделся, сложив одежду кучкой прямо на полу, предварительно вынув все ценное из карманов. Ключи от квартиры, остатки денег, почти полная пачка сигарет, большинство из которых, судя по всему, были ломаными, зажигалка, мобильный телефон, который по-прежнему не ловил сеть, и паспорт гражданина РФ с вложенным в него билетом на электричку от Каминска до Репкино.

Положив все это на лавку, Паша вошел в главное банное помещение. Видимо баня уже остывала, или была растоплена недавно. Редкие сгустки пара витали вокруг. Паша подошел к бочонку с горячей водой и, найдя неподалеку ковшик, стал черпать им воду, поливая себя.

Мыла никакого он не нашел, поэтому тер себя просто руками. Правда оглядевшись, он нашел возле одной из стен веники и рядом какие-то тряпицы. Решив, что тряпица должна заменить мочалку, он стал стирать с себя грязь ею.

Потом, кряхтя, он стал понемногу обхаживать себя веником, чтобы тело разгорячилось и открылись поры. Пройдя все банные процедуры, какие он смог выдумать, Паша вышел обратно в предбанник, там, на лавке, он увидел ранее не замеченное полотенце. Обтершись им, он принялся за одежду. Трусы и носки он одел свои, ибо адекватной замены им он не нашел, а ходить без них было непривычно. Конечно, особой чистотой эти вещи не отличались, но выбора не было. Одевая широкие, чуть зауженные снизу штаны сероватого цвета, Паша отметил, что ткань достаточно прочная и теплая. Поверх тела он надел рубаху, с орнаментом на воротнике и манжетах. Рубаха была свободной, как и штаны, и доставала почти до колен. Подпоясав ее найденным в том же свертке поясом, он принялся напяливать свои кроссовки «адибос». Благо они были просто черными, а символ этого самого «адибос'а» уже стерся. Выглядело это все равно смешно, но было бы смешнее, если бы его обувь была цветастой.

Нарядившись, он собрал в тот сверток, в котором была новая одежда, свое «одеяние», и, не найдя карманов в своем одеянии нынешнем, отправил в сверток и разложенные на лавке богатства. Крепко связав концы, он взял его, и вышел из бани, идя вдоль стены ко входу в дом.

Возле входа, на лавочке, его поджидал старик.

– Ну что, помылся-попарился, на упыря более не похож? – встретил его вопросом волхв.

– Угу, – буркнул Паша, и, не ожидая приглашения, вошел в дом, кинув сверток с вещами возле стены в прихожей.

– Ишь какой, – усмехнувшись, вслед ему сказал дед, и, поднявшись с лавки, тоже пошел внутрь.

Паша уже сидел на лавке возле стола, и любопытно разглядывал горшок. Тот был наполнен горячей гречневой кашей с мясом. Выглядело это аппетитно, и Паша просто изнемогал в ожидании. Голод, что томил его, по сути, уже несколько дней, давал о себе знать, как никогда раньше. Впрочем, начать без прямого приглашения он не решался, стараясь не обидеть старика, нарушив какие-нибудь правила, что наверняка существуют в этих местах.

– А ложки у тебя своей и нет, так? – спросил волхв, заметив Пашины страдания возле горшка с кашей, – Потерял, или не носят с собой у вас там?

– Не носят, – коротко ответил Павел, уже представляя, как есть кашу рукой.

– Ладно, это не беда, есть у меня ложки, – сказал дед, и вошел в одну из секций, на которые был разделен дом.

Покопавшись там немного, он вышел с двумя деревянными ложками в руках. Присев напротив Паши за стол, он протянул ему одну из них. Ложка была грубо вырезана, слишком толстая, в отличие от привычных Пашиной руке столовых приборов. Однако она была довольно

гладкая, и опасаться заноз явно не стоило. За неимением вариантов, Паша сжал ложку в правой руке, и вслед за дедом черпнул ею из чугунка.

Вложив содержимое ложки в рот, Паша почти не жуя все проглотил. Такая расторопность стоила обожженного горла и полости рта. Тогда он, чуть не закашлявшись, решил поумерить пыл. Слезы проступили на глазах, стараясь не подать виду, он на момент отвернулся и украдкой вытер их о плечо.

– Горячо, что ты так глотаешь, дуй сразу! – ухмыляясь, посоветовал старец, и, показывая пример, дунул на свою ложку с кашей, лишь затем отправив ее в рот.

– Угу.

Вторую ложку каши, с кусочком мяса в вершине гречневой горки, Паша тщательно обдул, наверно, даже слишком, потому что дед снова заулыбался.

«Ничего, целее буду»: подумал Паша, и принялся жевать кашу.

Не сказать, что бы та была совсем не соленая, скорее заметно недосоленная. Эта пресность, связанная с отсутствием должного количества соли сильно портила вкус. Радовало, что каша была хорошо сдобрена мясом, назвать ее постной было нельзя.

– А у вас тут не солят? – спросил Паша.

– Солят, солят. Год нынче не тот, не доехала сюда соль, прошлогодней пользуемся, – помолчав, старик добавил, – Это мне люди несут. Я кому с хворью помогу, кому советом добрым, а у иных и совсем соли нет. А у тебя дома вдосталь соли?

– Соли? – задумавшись, ответил Паша, – Соли у нас хватает, хоть обсолись.

– Понятно, – многозначительно протянул дед, видимо не совсем поняв, как именно много соли у Паши, – богато значит живете.

Разговор прекратился, так как Паша стал поглощать кашу дальше, а волхв, видимо побоявшись, что этот голодный пришелец сейчас опустошит весь чугунок, старался не отставать.

Наполовину опустошив чугунок, оба пировавших отложили ложки.

– Ну, поели, это хорошо, – вытирая бороду, сказал старик.

– Спасибо, – вспомнив о правилах приличия, произнес Паша.

Дед помолчал, потом сказал:

– Только на героя-то ты не похож, а предсказания они... – поглядев куда-то в потолок дед многозначительно помолчал и продолжил, – Они и умалишенным писаны могут быть.

– Как неожиданно, – съязвил гость.

– А могут и истинными оказаться, – не обращая внимания на Пашу, продолжал волхв, – Сам Перун бы тебя сюда не вызвал, без просьбы. Значит, кто-то просил. Лиха нет никакого, чего звать тебя? Значит, Иван тебя призвал, он все хвалился, что новое чародейство придумал, наверно, тебя сюда и приволок.

Будто сам обдумывая сказанное, волхв замолчал на минуту, а после добавил:

– Хотя, я Ивану не доверяю, он чародей хороший, но все время впросак попадает последние годы, да волшбу не ту, что задумал, творит.

– А, вот оно что, понятно, Иван палкой помахал, я тут очутился, пойду к Ивану, просить еще раз помахать?

– А вот и иди, – серьезно сказал Еремей, – Не знаю, чем он там махал, а к нему ты иди. Только...

Поразмыслив, снова разглаживая бороду, волхв добавил:

– Только сразу ты у меня побудь, недельки три, я тебя научу всякому, чтобы по дороге не прибили, за упыря не приняли.

С этими словами Еремей встал из-за стола и ушел куда-то вглубь дома.

«А вот и оно! Время!»: подумал Паша, и, как мог бесшумно, покинул дом, прихватив свой сверток. Почти выбежав на дорогу, он тут же драпанул в лес, благо от дома было не далеко. Оставшись незамеченным, он шмыгнул в кусты, и вскоре оказался снова в гуще леса.

«Ну, спасибо за еду сказал, а одежду как-нибудь потом верну»: подумал Паша, и, решив не переодеваться, чтобы снова, при случае, напоровшись на людей из деревни, не казаться им упырем, он двинулся по лесу вперед. Куда вело это вперед, он не сильно понимал.

В довольно суетливой прогулке по лесу Павел внезапно ощутил, что тяжесть в области живота создана не только недавно потребленной пищей, но и кое-чем иным, что, видимо, являлось последствием потребленной еще ранее еды. Вспомнив, что он вовсе не робот, и порою его одолевают различного рода низменные инстинкты и желания, он, недолго думая, нарвал неподалеку широких листьев с кустика и сел рядом с ним, спустив штаны.

Как говорится, долго ли коротко ли, но как только он окончил со всем этим делом, и уже натянул штаны, собравшись дальше в путь, подальше от оскверненного уголка природы, он услышал позади себя голос:

– Ты это куда нагадил без спросу, человеке?

Сердце екнуло в груди, Паша чуть не подпрыгнул от неожиданности. Повернувшись, он увидел чуть сбоку от места бомбардировки низенького, как карлик, дедулю. Редкая борода с зеленоватым оттенком, и такого же цвета волосы, среди которых были запутаны листья и еловые иголки, сразу же бросились в глаза. Глаза же дедули хитро смотрели на Пашу. Одет он был в звериную шкуру. Хотя, при детальном рассмотрении, Паша засомневался в том, что шкура звериная, а не родная, дедушкина, шерсть.

Через секунду Паша громко и протяжно выкрикнул первую букву алфавита, и с этим неистовым воплем бросился наутек.

В общем-то не так уж был с виду и страшен дедуля, но Паша пережил слишком много потрясений за сегодня, чтобы спокойно реагировать на подобное. Почти не разбирая дороги, перепрыгивая корни и продираясь сквозь кусты, Паша убегал не столько от напугавшего его дедули, сколько просто от страшных обстоятельств, которые его настигли, он просто бежал, сердце бешено билось, а голова почти не думала.

– Эй, куда побежал, а убирать кто будет? – ехидно сказал внезапно появившийся чуть в стороне дедок, сидя на ветке.

– Да иди ты!

Паша выкрикнул это почти не останавливаясь, и, уже не удивляясь, просто продолжил бег, чуть свернув.

Дед не переставал появляться, постоянно меняя курс Пашиного движения чуть в сторону. То просто ухмыляясь, то отпуская безобидные шутки по поводу трусливого зайца, он появлялся на деревьях, или выглядывал из кустов. В конечном итоге, убегая от него, Паша как-то разом, пройдя через очередной куст, выбежал на дорогу. Обычную пыльную дорогу, без намека на асфальт, с такими же колеями, оставленными повозками, как и около деревни.

Буквально в пяти метрах от него по дороге двигались четверо всадников с копьями, все они были как на подбор бородатые и суровые на вид. Заметив выбежавшего из леса человека, они остановились, взяв копы наизготовку.

– Тпррр, – сказал ехавший впереди всех всадник, останавливая коня, и, обращаясь уже к Павлу, – Эй, стой, кто таков, от кого бежишь?

– Там... Дед... Везде... Я убегал, и тут... Вы, – задыхаясь пытался рассказать беглец, согнувшись и опершись руками о колени.

Паша пытался отдышаться, и даже не смотрел на всадников, казалось, ему было вообще безразлично происходящее. Внезапно он понял, что сверток с одеждой и вещами он оставил там, у куста, а в руке осталась только зажигалка, так как он курил за этим делом, и не стал прятать ее в сверток по окончании. Взглянув в руку, он убедился, что это именно она, а не выхваченный по дороге обломок ветки. Идти в лес за остальным добром как-то не хотелось, да и вряд ли теперь он смог бы отыскать дорогу к тому месту.

– А, так это леший наверно тебя так напугал, – усмехнулся всадник, – добрый он сегодня, раз из лесу тебя вывел.

Воины подняли копыта вверх, убедившись, что Павел безопасен, и разбойничьей засады не предвидится.

– А сам ты из деревни? – оценивая его взглядом, спросил воин, – Чего в лесу делал?

– Да, из деревни я, – соврал Паша, не желая больше ввязываться в неприятности, – так, гулял по лесу... Грибочки там, ягодки...

– Понятно, ну, гуляй дальше, а в лес сегодня больше не ходи, леший дважды на дню из лесу не выводит, – сказал воин, и, махнув своим рукой, дернул стремя.

Остальные воины двинулись за ним, никто из них не обернулся, а Паша, тяжело размышляя, смотрел им в след.

«Ну, в лес, значит, не пойду, да и на дороге не потеряюсь, выйду куда подальше от этого всего»: подумал он, выдвигаясь в сторону, с которой прискакал патруль.

Не больше часа он шагал по дороге, прежде чем его взору предстал город. Самый натуральный город. Паша даже глаза протер, потому что деревню, всадников с оружием, и даже дедулю в лесу он как-то мог оправдать. Но не город. Деревянный город, с деревянными стенами, домами и кучей жителей, благо, что не деревянных.

Впрочем, сам город не был большим. Вокруг высокой стены в его центре располагались такие же, как и в деревне, дома, они были защищены внешней стеной пониже. Вокруг нее располагались дома поскромнее, и уже не в таком количестве, как за стеной, вероятно потому, что они были защищены разве что заборами и ютились в них, очевидно, люди небогатые. Или смелые. На берегу реки располагалось что-то вроде порта, там сновали люди, что-то тягая из небольших кораблей на берег, либо наоборот, загружая корабли.

Обилие людей, кишящих в городе, действительно привело Пашу в тупик. Теперь это точно нельзя было спихнуть на ролевиков и старообрядцев.

«Или я сошел с ума, и лежу в палате, или я попал куда-то... Нет»: Паша помотал головой, никак не желая согласиться с последним выводом. Мысли медленно, словно сонные мухи по липкой стене бродили в его голове. Простояв, широко вылупив глаза, в созерцании города еще около десяти минут, он все-таки двинулся в его сторону.

«Ну, делать-то нечего»: подумал Паша. Запнувшись в минутном желании вернуться в деревню к волхву и узнать у него подробнее обо всем, Паша все-таки продолжил свой путь к городу. Уже увереннее.

Возле ворот образовалась маленькая очередь, войти в город можно было только с разрешения стражников, охранявших ворота. Работали они быстро, деньги брали только с торговцев, которые и составляли основную массу входящих. Затор образовался из-за одного из владельцев повозок с товаром.

– Десять?! Да я столько не наторгую, помилуй, как я тебе его заплачу только за вход? – вскрикивал он, широко разводя руками, обращаясь к главному стражнику.

– Закон для всех един, не хочешь платить, торгуй где хочешь, можешь в лес идти, – монотонно отвечал стражник.

– А кто там купит, лешему продам, что ли?! Давай за пять медяков пройду, пожалей нищего! – не отступал торговец.

– Плати или уходи! – стукнув копьем по земле, уже горячее ответил стражник.

Из толпы стали раздаваться недовольные возгласы, требующие то ли от торговца, то ли от стражи ускорения процесса. Понутив голову, торгош сунул в руку стражнику монеты, и, потянув коня с повозкой за собой, поплелся в ворота. Монеты из руки стражника тут же перекочевали в ящичек, тщательно охраняемый двумя другими стражами.

Толпа двинулась вперед, каждый торговец называл свое имя, вид товаров, и, протягивая монеты стражнику, двигался дальше. Тот, убирая копье, которым преграждал путь, и, кладя монеты в ящичек, ожидал следующего.

Процедура входа с простыми людьми, которые торговать не собирались, была попроще. Нужно было просто назвать свое имя, взглянув на стражника, что бы он мог поглядеть тебе в лицо и, с его разрешения, топтать дальше.

Когда очередь дошла до Паши, он, глядя в лицо седовласому стражнику, сказал:

– Павел.

– Странное имя, ты чужеземец?

– Нет, мамка так назвала, с нее и спрос, – тут же нашелся Павел.

– Ну, иди, давай тогда, раз мамка назвала.

Радуюсь, что все прошло без эксцессов, и ложь удалась, Паша с легкой улыбкой вошел в город.

Улица кишела различного рода прохожими, от грязных бродяг до облагороженных пузом граждан. Паша как-то сразу затерялся среди них, теперь он ни чем не был отличен среди них, одежда крестьянина, моментально запылившись кроссовки не бросались в глаза, а его бешеное верчение головой обитатели города могли спихнуть на то, что он первый раз в «большом» городе. Единственное чем он слегка выделялся, так это ростом. Он был выше средней массы людей, хотя ростом он был чуть больше ста восьмидесяти сантиметров, и на улицах родного города не казался таким уж высоким. Но это, видимо, никого не смущало, все были заняты какими-то своими делами, снуя и тут и там, торопливо пробираясь в разные стороны города. Основная масса людей потоком, в котором шел и Павел, двигалась куда-то в центр. Вскоре поток влился на большую площадь, сплошь уставленную повозками, с которых отпускался порой совсем нехитрый товар. Гомон торговой площади разбудил Пашу, он наконец-то задумался: а что, собственно, делать дальше?

Немного побродив по рынку, стараясь не обращать внимания на зазывающих к себе торговцев, он вышел с площади с другой стороны, попав в более тихую и менее многолюдную часть города. Пройдя по почти пустым улочкам между домов, он повернул куда-то в сторону, двигаясь в сторону основной деревянной стены. Зачем ему идти к этой стене, он понимал не совсем, а вот зачем ему было поворачивать, прекрасно понимал. Улочка, на которую он повернул, была пустой, только одинокий пес лежал возле одной из стен домов. Быстро войдя в углубление между домов, Паша принялся думать, попутно совершая действия, ради которых и зашел в этот переулок.

Справившись, он вышел из своего укрытия, и уже собрался было идти, но сзади, видимо, на дороге, с которой он только что сворачивал, послышался треск, ржание лошади, и поток каких-то забавных ругательств, которые Паша бы не счел страшными или обидными, но по интонации понял, что такого мнения о них только он.

Заинтересовавшись, он пошел назад, на дорогу, уже отдаляясь от центральной стены.

Выйдя из переулочка, он посмотрел налево, там он заметил повозку с впряженной лошадкой и бегающего вокруг повозки мужичка. Пустая повозка накренилась на бок, а правое ее заднее колесо лежало рядом.

Заметив Павла, мужичок тут же обратился к нему:

– О, мил человек, подсоби, а? – подходя чуть ближе к Павлу, затараторил он, – опять колесо отвалилось, будь оно не ладно, я так починал и этак. Эх, все-таки придется к кузнецу идти...

– Так а чем помочь?

– А ты приподними повозку, она пустая, а ты вон какой большой, справишься, а я колесо поставлю быстренько, – чуть помолчав, мужичок добавил, – а за мной дело не постоит, пивом угощу, тут рядом корчма стоит, я там завсегда отдыхаю, опосля работы.

«Пиво! Вот и ближайший план действий. Так, попробуем ее поднять»: в Паше сразу же заговорил алкоголик, и он ринулся на подмогу мужичку.

Поднять повозку было гораздо легче, чем могло показаться, ведь остальные три колеса были целы, и вес повозки фактически лег на них, когда Паша установил повозку в горизонтальное положение. Мужичок резво вставил колесо на ось, забил какой-то поддерживающий колышек, и махнув рукой, дал Паше понять, что можно и отпустить повозку.

– Спасибо тебе, выручил! Ну, что, в корчму?

– Пойдем!

Они уселись на повозку. Лошадь, получив указание в виде раскатистого «Ну!», легко поскакала вперед.

– А как тебя звать? – спросил мужичок между делом.

– Павел я.

– А я Блуд, – сказал мужичок, – а откуда к нам приехал, видно, что не городской.

– Да с деревни я, что тут рядом, – снова применил свою ложь Паша.

– Ааа, понятно, – останавливая лошадь, протянул Блуд, – вот мы и добрались, тут повозку оставим, пройдем пешими немного, за тем углом корчма стоит.

С этими словами Блуд спрыгнул с повозки, Паша повторил за ним. Выбежавший из дому мальчик тут же взялся за поводья и куда-то повел лошадь с повозкой. Блуд крикнул ему какие-то наставления, по всей видимости, мальчик приходился ему сыном, и, махнув рукой Паше, двинулся вперед.

Когда они зашли за угол, Паша увидел некоторую оживленность возле одного из домов, что был чуть побольше остальных, это и была корчма. Пожалуй, различие с рядом стоящими домами заключалось только в размере, так как даже вывески на этом заведении не имелось. Как его различали люди, Паша не совсем понимал. Зато совсем не трезвые мужики, что-то выкрикивая, а то и молча, сновали возле него, вероятно, точно зная, куда они пришли и как сюда добираться. Некоторые уже уходили, кто-то еще только собирался войти, а кто-то просто решил выйти подышать воздухом.

Паша и Блуд вслед за парой пьяных мужиков, вошли внутрь. В нос им ударил спертый воздух, запах которого был сдобрен пивом, жареным мясом и чесноком. Потные мужики тоже прибавляли ароматов довольно просторной, но темноватой комнате корчмы.

Паша украдкой пытался разглядеть людей в помещении, Блуд же, здороваясь налево и направо, продвигался прямо к столику возле дальней стены, что был еще не занят.

Вскоре они добрались до столика и сели на хлипкие стулья возле него. Стол был не большим, в отличие от тех, что стояли в центре корчмы. Их стол как раз был предназначен для компании не больше четырех человек.

– Эй, Любава, принеси-ка нам пива кувшин, а лучше два, и пирога грибного! – обращаясь к очень милой девушке, крикнул Блуд.

– Эх, хороша дочка у Дарины, – с хитрым прищуром, уже обращаясь к Паше, сказал Блуд.

– Ага, и впрямь хороша, – разглядывая удаляющуюся Любаву, как-то растерянно ответил Паша.

Вскоре им поднесли пиво и тарелку с нарезанным, горячим пирогом. Две глиняные кружки, что тоже были принесены Любавой, быстро были наполнены пенным пивом.

Пиво показалось Паше странноватым, явно отличающимся от привычного ему. Однако, оно было вкусным, холодным потоком оно лилось по горлу, и, достигнув живота, расплывалось по телу волной расслабления. Выпив немного пива, под бесконечный поток слов Блуда, который рассказывал о жизни в городе, нелегких временах и лютующих в последнее время разбойниках из леса, Паша вдруг понял, что уже давно не курил и организм требует порцию никотина.

Свои сигареты Паша оставил в лесу, а среди присутствующих в корчме курящих он не наблюдал. Решив не интересоваться сигаретами у Блуда, чтобы не быть снова принятым за

чудака, или того хуже упыря, Паша просто попытался выкинуть из головы мысли о табаке. Сделать это было очень нелегко, да еще и пиво оказывало свое действие, ведь, как известно, выпившие курильщики курят больше, нежели в трезвом состоянии.

Чтобы как-то прогнать настигнувшую его нужду, Паша принялся за пирог. Тесто в пироге явно было каким-то низкопробным, казалось, что оно скрипело песком на зубах, но начинка из грибов была вполне съедобной, что сглаживало общие ощущения от пирога.

«Бабушка лучше делала, но пойдет»: подумалось Паше, когда он жевал первый кусок.

– Слушай, Блуд, а эта Любава, она свободна? – вытирая рот спросил Павел.

– Что? – не понял Блуд.

– Ну, мужик у нее есть?

– А-а-а, нет, нету. Тут всяк к ней клеится, но никто ей не мил, – усмехнувшись, ответил Блуд, – да тут только пьяницы и бродят, а она девка хорошая, покладистая. Ей и мужик хороший нужен.

– Понятно...

– А что, понравилась? Ты гляди, тут ухажеров пруд пруди, могут и затолкать, коли заметишь, что к ней пристаешь.

– Да я и сам потолкаться могу, – расхорохорившийся Паша, под влиянием пива, откинулся на спинку стула и принялся оглядывать зал, оценивая потенциальных соперников.

Дело в том, что было выпито уже два кувшина, а Пашу развозило быстро. На столе появился третий кувшин пива, Блуд заверил Пашу, что оплатит все сам, что ему не жалко, и что ему понравилась компания Павла.

Так они прикончили третий сосуд с пивом, и Блуд предложил сходить на улицу, до ветру. Разделяя эту идею, Паша встал, немного покачнулся, и не совсем твердой походкой потопал вслед за товарищем, желая поскорее облегчиться.

На улице его встретили сумерки и легкий порыв ветерка, обдавший лицо. Сознание чуть прояснилось, видимо, нехватка свежего, не сперттого и не отягощенного запахами корчмы, воздуха, быстрее пьянила Пашу.

Не обращая внимания на орущих, упавших, или просто толпящихся на улице посетителей корчмы, Блуд пошел за угол. Догнав его, Паша присоединился к нехитрому занятию, и вскоре они уже шли обратно.

На подходе Блуд придержал Пашу:

– Погоди, вон, видишь, – указывая кивком головы на трех человек возле входа, заговорил он, – надо тут постоять, пусть войдут, потом и мы пойдем.

– Чего?

– Того. Не спорь, – деловито сказал Блуд, – потом объясню.

Трое мужчин возле входа оббивали свои сапоги от грязи. Каждый из них носил на поясе меч и щит за спиной. На одном даже была кольчуга, остальные обходились кожаными доспехами с наклейками. Выглядели они грозно, по крайней мере издали, насколько мог разглядеть Паша при свете почти ушедшего за горизонт солнца. Самый большой, видимо по совместительству и главный, брякнув кольчугой, махнул своей рукой, и они вошли внутрь.

Паша заметил, что не только они стояли и ждали, пока воины войдут, но и остальные отдыхающие как-то приутихли, и с опаской поглядывали вслед скрывшимся в корчме пришельцам.

– Это лихие люди, как они в город ходят, не знает никто. Да и обвинить их не в чем, все знают, что это разбойники, а опознать никто не может. Да и князю доносить, себе дороже, потом тебя найдут, и тебя, и семью вырежут, – рассказал Блуд, – так что сейчас в корчму пойдем, тихо еще посидим, да и потопаем по домам.

– Да фиг с ними, раз они разбойники и в городе им быть не положено, не станут же они всех резать.

– Станут не станут, а мне проверять не охота, и тебе не советую, – отрезал Блуд.

С этими словами он двинулся ко входу в корчму. Войдя, они мирно двинулись к столу, теперь Паша разглядел воинов вблизи, потому что они сели за ближайший к выходу стол. Двое из них, те что в кожаных доспехах, имели длинные волосы на голове и бороды, мало чем отличаясь от местных обитателей. Третий же был лысым, Паша мельком разглядел у него на голове красный огромный шрам, видимо, оставленный ожогом.

Блуд одернул его, прошептав:

– Не разглядывай ты их так!

Решив не перечить Блуду, расхрабренный алкоголем Павел, пожал плечами и отвернулся.

Они уселись за свой стол и принялись за остатки пирога и пива.

– Много о них говорят, – прожевав пирог, заговорил Блуд, – вон тот лысый, поговаривают их вожак, в лесу их около сотни, а он ими руководит, грабит торговцев да простых путников, что без охраны через лес ходят. Да так они ловко спрятались там, что никак их дружинники не найдут.

– И как они там целой сотней выживают?

– А кто их знает, как, – повертев в руках кусочек пирога и закинув его в рот, Блуд продолжил, – добра чужого наберут, тем и живут. Может это слухи, что их там сотня, может и меньше. Однако грабят они, и это правда. И в город вон ходят, девок наших портить.

– И как же их никто не ловит?

– Так, а кто ловить будет, простому люду страшно, а от дружины прячутся они, – хлебнув пива, Блуд перешел на шепот, – а вон тот лысый, сюда почти каждую неделю ходит, за Любовью приударяет.

– Тискает ее? – гневно спросил Паша.

– Нет, не тискает, она бы такого не потерпела, своенравная девка, – допив из кружки сказал Блуд, – да и он видать не одичал совсем, как его разбойники, то цветы подарит, то мило байки рассказывает, однако, не люб он ей, больно большой да страшный.

Они немного посидели молча, и, поднимаясь со стула, Блуд сказал:

– Так, Павел, пойду я заплачу, ты тут допивай, да пойдем уже? Ты где ночевать будешь?

– Да я и не знаю...

– Ну, ночью в деревню тебе идти никак, у меня заночуешь, хороший ты парень, можно и пригласить, – улыбнувшись, он похлопал Пашу по левому плечу.

Охмелевший Павел уперся взглядом в кружку. Нельзя было сказать, что он был пьян, первый хмель уже сошел, и он ощущал себя трезвее. Мысли о Любаве его не покидали, это было странно, вот так вот заинтересоваться этой девушкой. Странно потому что, во-первых, Паша так и не выяснил где он, и как отсюда выбираться, а это должно было его волновать. А во-вторых, обычно он не был столь любвеобилен, чтобы вот так вот не выпускать из головы первую встречную, которая на него даже не посмотрела. Но, видимо, алкоголь возымел свой эффект, и Паша даже пару раз поймал на себе взгляд Любавы, что только придавало ему уверенности и решимости. Он уже почти собрался подойти к ней для более близкого знакомства, размышляя о том, что будет ей говорить, но был остановлен вернувшимся Блудом.

– Попили, поели, теперь и пойдем.

– Да... Сейчас.

Вспомнив, что говорил Блуд, Паша решил пока не рисковать, какая-то отрезвляющая волна нахлынула на него, тем более он заметил, что тот лысый тоже поднялся из-за стола, и выдвинулся к Любаве.

Но человеческая любознательность не позволила ему оторвать взгляд от лысого и Любавы, и лысый, к несчастью, это заметил:

– Эй, ты! – обращаясь к Павлу, злобно сощурился лысый, – Ты чего палишься?

– А что, посмотреть нельзя?

Побагровевший от такой дерзости, лысый, резко приблизившись, схватив дерзкого парня за рукав, и, почти шепотом, сказал:

– Пошли, побеседуем!

Лысый, держа Пашу за рукав, поволок того в сторону улицы, прямо на глазах у Блуда, но тот был не намерен выручать вновь обретенного друга. Он просто стоял, и, как можно безучастнее, наблюдал за ситуацией, делая вид, что вообще в первый раз видит жертву разбойника.

Паша понимал, что все это грозит ему неприятностями, но сопротивляться свирепому силачу он, увы, не мог. Он просто старался следовать за ним не спотыкаясь. Оказавшись на улице, лысый, не отпуская пленника, двинулся за угол, где недавно проводили время Паша и Блуд. Шлепнув сапогом по одной из лужиц, лысый еще больше разозлился и рывком шмякнул Пашу о стену. От столкновения со стеной из Паши вышибло воздух, он попытался восполнить потерю, но безуспешно. Разбойник тут же вцепился своими сильными руками в его шею, стараясь задушить.

«А как же беседа?»: подумалось Паше. Он чувствовал стальную хватку на своей шее, пальцы лысого, казалось, входили под кожу, не оставляя ни малейшего прохода для воздуха. Черная, с красными точками, пелена стала обволакивать его глаза, тысячи мыслей мелькали в его мозге. В основном это были воспоминания о его жизни, в последнее время ставшей никчемной. Но даже такая жизнь, пожалуй, было самым ценным его достоянием, и терять ее совсем не хотелось.

«Не может так все кончиться!»: мелькнуло в его отмирающем мозге, и, из последних сил, но с великой волей к жизни, он стал царапать глаза лысому. Поначалу выходило плоховато, но сам маневр удался, хватка была ослаблена, что позволило выкроить время для еле заметного короткого вдоха. Большие пальцы Пашиных ладоней стали уже целенаправленно вдавливать вглубь черепа глазные яблоки убийцы. Он сильно нажал на глаза лысого, и тот, громко взревев, отпрыгнул от Паши, оставив тому минутную свободу. Инстинктивно Паша стал пятиться назад, восстанавливая дыхание. Споткнувшись обо что-то, он машинально опустил взгляд вниз. Там он увидел увесистый булыжник крупного размера, Паша мигом нагнулся и схватил его. В этот момент лысый бешено тер глаза, пытаясь обрести утерянную возможность видеть мир. Слегка подкинув удобно легший в ладонь камень, Павел со всего маху метнул его в лысого, метя в голову, блестящую в свете луны.

Глупо было бы не попасть с такого ничтожного для подобного броска расстояния. Однако Паше это удалось. Нельзя сказать, что он не попал совсем, он попал не туда, куда метил, но, вероятно, в этом ему и повезло.

На момент броска лысый уже поднимал голову, чтобы увидеть своего соперника, и наброситься на него. Прямо в этот момент в его обнаженную шею стукнулся быстролетающий увесистый камень.

Паша сам не понял, как так получилось, но лысый сразу же обмяк и упал. Увидев это, Паша, не раздумывая, просто позволив подсознанию руководить им, бросился бежать, куда и зачем ему было все равно. Он просто убегал от тела, оставшегося лежать в неестественной позе. От тела, которое недавно двигалось, и даже стремилось отнять у Паши жизнь. Паша вновь бежал, безрассудно, не выбирая дороги, не глядя в стороны, просто бежал.

«Да я же убил его!»: стучала в виски мысль, она полностью заполняла его сознание, не оставляя места другим мыслям.

Спотыкаясь, Паша продолжал бежать. Изначальный всплеск адреналина уже прошел, появилась одышка курильщика. Он споткнулся, на этот раз на ногах он не удержался и упал на землю, плотно припечатавшись к ней грудью. Воздух рывком покинул легкие, и беглец, неловко перевернувшись на спину, попытался сделать вдох. Страх, сумбур в голове и физическая немощность поглотили его рассудок. Обессиленный, он затерялся в своих мыслях. Ему уда-

лось вздохнуть, спасительной, такой нужной, волной воздух прошелся по его телу, проясняя сознание.

«Что делать?»: отбойным молотком в голове стучал вопрос. Кое-как поднявшись, он попытался отряхнуть испачканную рубаху. В темноте было сложно понять, насколько результативными были его старания, и он снова двинулся в путь, но уже просто быстрым шагом.

В закоулках ему мерещились тени, тени разбойников, что спешат отомстить за друга, или еще кого-то, явно угрожающего Павлу. Изрядно измотавшись, Паша забрел в укрытый мраком переулок, и забился в проем между домов. Там было сыро, тяжелый воздух ударил Паше в нос, однако именно здесь он решил остановиться.

Сев подле стены, он обхватил колени руками, и уткнулся в них головой, отчаянно пытаясь найти выход из этой ситуации. Он что-то неразборчиво шептал, спрашивал, видимо, у самого себя, зачем и как он здесь оказался. С каждым мигom шептание становилось все менее различимым, и вскоре и вовсе стихло. Паша уснул.

Глава 3.

– Ага, вот он!

Сквозь сон услышал Паша, тщетно пытаясь собрать осколки сознания, и понять, что происходит, он принялся тереть глаза. Подняв голову, он чуть не вскрикнул от боли, шея и спина ужасно затекли, пульсирующая боль в голове лишь усугубляла ситуацию.

– Ишь, куда забежал!

Голос принадлежал рослому воину, чью голову украшала какая-то железяка, видимо заменяющая шлем, а в руке он держал копье. Взмахнув рукой, он кого-то подозвал к себе:

– Под рученьки его берите, сопротивляться он не будет, а коли будет, вы ему кости-то пересчитайте, – глянув на Пашу, чтобы убедиться в неспособности того к сопротивлению, он продолжил, – к терему его ведите, да глядите, чтоб не убежал.

С этими словами, он еще раз глянул на пойманного беглеца, и, бряцая кольчугой, скрылся из вида.

Паша даже не был удивлен, не было и страха, он просто безучастно смотрел в проем, где тут же появились два солдата. Подойдя к нему, они не очень аккуратно схватили его и подняли с земли. Паша не сопротивлялся, намокшие от сырой земли штаны, измазанные ею же, спали с него, но солдат это только развеселило. Благо, рубаха была длинной, и прикрывала Пашины трусы, ярко-красной расцветки с желтой надписью «СССР» на филейной части. Солдаты тащили его под руки, не давая возможности нагнуться и вернуть штаны обратно.

В таком виде его вытащили на людную улицу. Не останавливаясь, они тащили его дальше. Опустив голову, чтобы никто не мог как следует разглядеть его лица, Паша старался перебирать ногами почаше, чтобы поспевать за солдатами, а не волочиться за ними, как труп. Этому сильно мешали спавшие штаны, да и обретенная в последние дни усталость. В гомоне людей вокруг Паша различал учащавшиеся смешки, порой переходившие в откровенный смех. Ситуация и впрямь выглядела нелепо и смешно.

Полчаса этого позора, и безумной гонки за солдатами, отчего-то, не показались Паше вечностью, скорее наоборот. Внезапно все резко прекратилось, они прошли какие-то ворота, гомон людей остался позади. Видимо, они зашли за внутреннюю стену, где располагался княжеский терем, но Паша смотрел только под ноги, и не видел происходящего вокруг.

– Стойте, кого и куда тащите?

Паша не решился поднять голову, чтобы узнать, кому принадлежит голос. Солдаты же остановились, дав Павлу возможность немного передохнуть. Успокаивая свое дыхание, Паша просто подумал о том, что неплохо бы поесть. Паники и страха больше не было, он напереживался в достаточной мере за прошедшие дни и больше не собирался принимать близко к сердцу происходящие вокруг странности.

– Да вот, убийцу тащим, – заговорил тот самый воин, что и обнаружил Пашу, оказывается он все это время шел впереди них, – в темницу велено посадить, а там на дыбу может, или отпустят...

«Отпустят? Ну, хоть что-то радостное да может произойти»: подумал новоиспеченный убийца.

– Где же это убийц отпускают, – усмехнулся стражник, что остановил их.

– Значит сразу на дыбу! – загоготал первый.

Этот смех, который разделили все стражи порядка, едва ли заглушил лязг открывающейся двери. Пашу резко дернули вперед, да так, что он споткнулся и упал бы, но солдаты ему этого не позволили. Затем они протащили его вниз по ступеням, так чтобы с каждой ступенькой он ударял свои ноги. Снова скрежет двери, и Пашу с силой метнули в какое-то темное, сырое помещение, с затхлым воздухом.

– О, вот и компания мне будет, – слышалось, когда дверь захлопнулась, а солдаты ушли.

«Отлично, теперь я зэк, которому грозит дыба. Что за дыба?»: мелькали мысли в Пашиной голове, он как-то даже не обратил внимания на голос своего вынужденного товарища по камере.

– Эй, тебя как звать? – снова, откуда-то справа раздался голос.

– Паша...

– А меня Завид, – что-то справа зашуршало, и таинственный собеседник продолжил разговор, – А за что сюда попал?

– Убил разбойника.

– Так это ж благое дело! – возмущенным голосом воскликнул Завид, – Неужто совсем времена лихие настали, да всякого героя в темницу кидают!

– Ну, я его не сильно по-геройски убил, – прокряхтел Паша, вставая с пола.

– А чегой-то ты без штанов? Вот упыри, и штанов лишили! – возмутился Завид, потрясая кулачками.

– Да не лишили, упали они просто, – Паша натянул штаны на себя, почувствовав холод, от их прикосновения, ведь они все еще были влажными.

Но выбирать не приходилось. Пытаясь привыкнуть к царившей вокруг темноте, Паша принялся созерцать помещение, в которое попал. Маленькое круглое отверстие на уровне около двух метров от пола служило единственным источником, как света, так и свежего воздуха. В нем посвистывал ветер, а дверь, которая запирала камеру, неплотно прилегала к стене, оставляя малые щели, что вызывало сквозняк. К прочим радостям заключения добавлялся и отвратительный запах, вызванный процессами человеческой жизнедеятельности. Никаких уборных в камерах придумано не было.

«Туалет у нас в левом углу, понятно»: подумал Паша, догадавшись, отчего Завид находился у правой стены. Как только его глаза немного привыкли к темноте, он наконец-то разглядел и своего товарища по несчастью. Завид оказался довольно мелким мужичком, с козлиной бородкой и блестящими во тьме, бегающими, глазками. Постоянно придурковато улыбаясь, он как царь восседал на жухлом сене, которого, к слову, вряд ли бы хватило и на один относительно удобный лежак. Одет он был в какое-то подобие рубахи и штанов, все его одеяние было усеяно дырами и заплатками. Сапог на черных от грязи ногах не было. Других подробностей в данном освещении Паша не углядел.

– А ты здесь за что? – поспешил спросить Паша, усевшись на сено рядом с Завидом, не спросив разрешения.

– А я... – Завид как-то умолк на полуслове, как будто вспоминая что-то, – а я колодец осквернял.

– Как осквернял?

– Ну, так и осквернял. Нужду в него справлял, что бы этим... – хоть Завид и промолчал, однако было понятно, что «эти» очень ему не приятны, – чтобы... Чтобы им отомстить!

– Кому?

– Да всем! Всем живущим в Холупино!

– А за что?

– Вот было за что, ты мне поверь, – почесав затылок, Завид принялся рассказывать, – когда я родился, мама после родов-то и умерла, один я с отцом остался. Тот выходил меня, выкормил, то соседкам отдавал, то коровьим молоком поил. Вырос я, жили мы с отцом, репу сеяли, коровку держали, хлеб жали. И тут, на деревню беда свалилась, волколак появился. Ну, сельчане-то сразу к князю послали, что бы воинов прислал, али ведунов каких. Но не было тогда князя в городе, воевал он с врагами лютыми, дружину почти всю увел, а этот ...

Завид снова промолчал, видимо все ругательства, достойные тех людей, которых он называл «этот», уже закончились, осталось только угрюмое молчание.

– А этот наместник его, Здислав окаянный, что тебя сейчас за решетку и запер, потому что князь снова на войне, вот этот его и заменяет, вертит тут как хочет, отказал нам, сказал, мол, сами его убивайте.

Завид многозначительно помахал пальцем, стараясь подчеркнуть всю иррациональность предложения наместника Здислава. Паша чуть закачал головой, стараясь показать, что согласен с негодованием собеседника, и вообще крайне раздосадован поведением Здислава.

– Ну, а что делать? Волколак-то лютый был, скотину бил не ради еды, а ради убийства. Ночью на улицу выйти и без того страшно, а с этой бедой и в подвалах люди запирались... – замолчав, задумчиво перебирая пальцами свою козлиную бородку, Завид направил взгляд на стену и затем продолжил, – ну, и решили его сами поймать да заколоть.

– И что? Закололи? – Павлу действительно стало интересно.

– Да, закололи, – снова задумался Завид, – заколоть-то закололи, эххх...

– Что-то пошло не так?

– Приманка нужна была. Люди вилы побрали, кто рогатины, кто сети, да как же ты его словишь, волколака-то? – вопросительно уставился на Пашу рассказчик, – Вот. А приманкой-то выбрали старейшины отца моего. Говорили, что ничего ему не будет, что попрячутся рядом, как волколак выйдет, так его сразу и заколют. Пятигузы проклятушие!

Паша застыл в ожидании развязки, стараясь не перебивать Завида, который, казалось, переживал события, о которых рассказывал, прямо сейчас.

– Задрал моего отца волколак. А эти, трусы, стояли и смотрели, как его волколак раздирает. Потом наутек кинулись все, а волколака потом дружинники закололи, благо, князь вернулся в город, да узнал обо всем, – закрыв лицо руками, Завид принялся его усиленно тереть, чтобы сбить горечь воспоминаний, – а мне ведь сразу другую историю рассказали, погоревал я, да что делать? Дальше жил. А потом, покойный ныне, дед Бажен, рассказал мне все, и ярость лютая обуяла мое сердце...

– И?

– Однако убивать я не стал, так, скотину мучил, в колодец гадил... – Завид мечтательно закатил глаза, вспоминая свои пакостные злодеяния, – А как прознали люди, что я это, в лес убежал, прятался там месяц. Да без еды ничего не поделаешь, долго не проживешь, в разбойники не пошел, вот и нашли меня, да вот в темницу упекли...

– И сколько ты уже тут сидишь? – поинтересовался Паша, попутно переваривая услышанное.

– Месяц, месяц всего, и сидеть еще года три, помиловал меня князь, как всю историю выслушал, не стали плетью бить, в темницу посадили, для выправления ума, да для раздумий...

– Понятно, а меня, как думаешь, помилует?

– А вот не знаю, сейчас его в городе нет, стражники говорили. А вот наместник его, Здислав, лютый человек, – глянув на Пашу с серьезным выражением лица, Завид добавил, – повесят, наверно.

Громко сглотнув, Паша подумал: «Ага, это же наверно хуже дыбы, попал так попал».

– А мне тут на дыбу посадить обещались...

– Ну, может сразу для потехи и на дыбу, а потом все одно повесят, коли на дыбе не помрешь.

– Да уж... – выдавил Паша и принялся теревать штанину, нервно обдумывая свое положение.

Со стоном он откинулся назад, опершись спиной о холодную каменную стену.

– А ты откуда сам? – поинтересовался Завид.

- Я... – понимая, что лгать смысла нету, Паша ответил, – Не знаю я, как тебе объяснить.
- Издалека, не из княжества?
- Издалека, не из княжества, – помолчав, добавил, – вообще не с вашего мира.
- Из Нави? – как-то отстраняясь от Паши, спросил Завид.
- Из России, что на планете Земля.
- Это что это такое? Где это? Никогда не слышал.

– Вот и говорю я тебе, не знаю, как объяснить, – вздохнув, Паша попытался немного прояснить ситуацию, – вообще не из тех мест, что тебе известны. Вчера сюда попал, как, сам не знаю. Волхв в деревне говорит, что меня Перун к вам прислал, я не поверил, сбежал, а тут корчма, разбойник...

Теперь уже Паша принялся тереть лицо руками, пытаясь собраться.

– Вот это компания мне досталась. Незнамо кто, незнамо откуда.

– А ты в колодцы гадишь, что бы за отца отомстить, это, знаешь, тоже не самая приятная компания.

Они замолчали, то ли задумавшись, то ли поняв, что ссориться причин нет.

Совсем не веселые мысли блуждали в голове у Павла. Ситуация была действительно печальной. Во-первых, он так и не определился, куда же он попал, в какой мир и время. Во-вторых, в этом странном месте он умудрился попасть в тюрьму с угрозой виселицы.

Внезапно воспоминания о совершенном убийстве вспыхнули в голове, к горлу подкатила рвота, но Паша смог сдержаться с невероятным усилием. Сердце учащенно забилося, перед глазами мелькали люди, что как-то соболезнующее смотрели на него, когда тот разбойник тащил его на улицу, промелькнуло лицо, с выражением переполненным яростью, самого разбойника, когда тот его душил. Промелькнул в картинках момент броска и бесславное падение обидчика. А потом страх. Страх, всеобъемлющий и всесокрушающий страх. Вскоре страх сменился отчаянием, Паша уткнулся головой в колени, чтобы скрыть от Завида проступившие на глазах слезы, и просто глубоко дышал, стараясь прийти в себя.

Молчали они долго, думая о своем. По Завиду было видно, что он сильно соскучился по общению с людьми, хотя его осведомленность о некоторых событиях явно говорила, что кое-какие контакты со стражниками он имел. Но все его неистовое желание общаться перекрывалось неким страхом перед Пашей. Все-таки Паша был крупнее, выглядел не слишком дружелюбно, и в темнице пребывал за убийство, да и прибыл из неведомой России.

«Не понятно, вообще-то. Если это прошлое, то почему страны тут называются вообще не так, как я в школе учил? А главное, почему я с ними так свободно общаюсь на русском языке? Он же древний там был, понять ничего нельзя...»: мелькали мысли в голове у Паши, который решил выяснить, куда же он попал.

– Слушай, Завид, а ты писать умеешь?

– Э-э-э, ну это... – запнулся Завид, почесывая затылок, – ну, отец учил буквам всяким, да словам, однако грамоту я плохо понимаю.

– Ну, хоть пару слов, хоть слово написать можешь? – не унимался Паша.

– Ну, пару могу, только чем я тут писать тебе буду, коли не видно ничего? – развел руками Завид.

Паша быстро нащупал в подобии внутреннего кармана своей рубахи единственный оставшийся у него дар цивилизации – зажигалку, которую он туда забросил, когда входил в город.

Чиркнув пару раз колесиком он зажег огонь, и, подобрав палочку, найденную в сене, принялся опаливать ей конец. За всем этим с открытым ртом наблюдал Завид, выпучив глаза. Потом он вдруг принялся судорожно отползать от Паши шаркая ногами, разбрасывая и без того скудные запасы сена.

– Колдун, колдун, – шептал он, сглатывая слюну и не отрывая взгляд от огонька зажигалки.

– Так, сядь, – властным голосом приказал Паша, он сразу не подумал, какой будет реакция на зажигалку, – я не колдун, это зажигалка, она не магическая, и вреда тебе не причинит. Я же говорил, что я из другого мира.

Вероятно, не сильно поняв слова Паши, но вняв им, и решив послушаться, Завид остановился.

– Точно не колдун? – тихо спросил он.

– Да точно, я тебе железно говорю. Это просто приспособление для добычи огня, – повернувшись к Завиду, убеждал его Паша, – вот вы чем огонь добываете?

– Ну, кресалом...

– Вот такое у нас там кресало, понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво ответил Завид, потрясённый Пашиным «кресалом».

– Так, вот бери свое «перо», пиши на полу слово какое-нибудь, я тебе своим кресалом посвечу, – глянув на все еще перепуганного Завида, Паша сказал уже мягче, – не бойся ты так, ничего страшного не будет.

Завид неуверенно взял в руки обожженный прутик и что-то быстро начиркал на полу обожженным концом.

«Малако»: усмехнувшись, прочитал Паша вполне знакомые буквы, что никак не походили на древние, которые он видел на рукописях в музее.

– С грамотой у тебя и впрямь не очень, – все еще усмехаясь, похлопал он Завида по плечу, пряча зажигалку обратно в карман, – молоко ты написал?

– Ага, молоко, – потупив взгляд, ответил грамотей.

«Так, язык тут не только устный, но и письменный одинаков с современным, а значит, это не прошлое. Так эпично меня разводить вряд ли кто-нибудь бы стал, да и проколоться на таком моменте не мог»: размышлял Паша. Оставалась только идея с каким-то параллельным миром, другого объяснения Паша найти не мог. Все это казалось абсурдным, не имеющим право на существование, но Паша не мог бороться с этой реальностью, она была вокруг него.

Завид долго не решался прервать установившуюся тишину. Теперь, когда он полностью поверил в Пашино иномировое происхождение, ему не терпелось расспросить Пашу о его мире. Не выдержал он уже через полчаса:

– А как у вас там едят?

– Где там? – приподняв брови, не понимая, ответил Паша.

– Ну, там, в твоём мире?

– А... – Паша усмехнулся, отгоняя беспокоившие его мысли и ответил, – ртом едят.

– Понятно... – будто услышав нечто абсолютно неожиданное, медленно закивал головой Завид.

Следующие несколько часов Паша был вынужден отвечать на подобные вопросы. Он уже объяснил, что людей с собачьими головами у них нет, что детей у них рожают только женщины. Разозлившись еще на пятом вопросе Паша нервно отвечал Завиду, пытаясь заставить того понять, что он такой же человек. Завид умолкал, но не надолго, и снова принимался терзать Пашу глупыми вопросами. Впрочем, иногда он задавал и дельные вопросы, на которые Паша отвечал с интересом. Интерес был в том, что пытаться объяснить какие-то вещи человеку из «древности» может быть не просто сложно, но и не возможно.

Вскоре их беседу прервал лязг открывающегося окошка в железной двери. В образовавшемся проеме сразу блеснули глаза, что осматривали комнату на предмет обнаружения там находившихся, а после послышалось:

– Еду принес, забирайте!

И тут же в проем просунулась рука с миской, которую подхватил быстро подскочивший с пола Завид, следом он забрал кусок хлеба. Паша решил не медлить, и тоже подошел к окошку, стражник чуть помедлил, и Паша подумал, что кто первый, тот и ест, уже продумывая, как

именно он будет сейчас отбирать еду у Завида, когда в окошко просунулась рука с еще одной миской, следом Паша забрал и хлеб.

– Воду заберите! – прогремел хриловатый голос из окна, тут же закашлявшись, – простудился тут с вами, в темнице этой!

Паша поставив миску на пол под ногами принял из окошка кувшин, в котором плескалась вода. Окошко закрылось, жалобно взвизгнув, и Паша снова остался с Завидом наедине.

– Сегодня Змитруша, он добрее, еду не бросает, а вот Мороз, тот лютый, – многозначительно покачав головой, заявил Завид, – тот хлеб на пол может швырнуть и миску прямо в лицо...

– Получается, и не поешь?

– А что поделаться? Получается так, правда воду всегда дает, не разливает, рогочет при этом, что конь твой, да потешается.

– Ясно, – пробуя похлебку из миски, сказал Паша.

Похлебка не была невкусной, скорее абсолютно безвкусной. Редкие ингредиенты, что плавали в ней, были сильно переварены, и не было понятно, что это вообще. Ясно было одно, мяса там нет, и особо сыт этим не будешь. Зато кусок хлеба был большим, и, что главное, не плесневелым и не черствым, как ожидал Паша, вспоминая про виденные фильмы и прочитанные книги. «Хоть не травят»: подумал Паша, быстро расправившись с похлебкой. Жуя остатки хлеба всухомятку, он, как и Завид потянулся к кувшину с водой. Завид отдернул руку на полпути к кувшину, позволяя Паше первым взять его. Паша уже давно заметил, что Завид побаивается его, и всенепременно решил этим пользоваться при любом удобном случае.

Вода была прохладной, и, размягчая хлеб, хлынула в горло приятной волной. Хоть в камере и было сыро, темно, и порой даже прохладно, но жажда мучила узников с не меньшей силой, чем если бы они были на солнцепеке.

Нельзя сказать, что Паша насытился, однако давно урчавший живот немного успокоился, а неприятное чувство легкой тошноты исчезло.

– Это обед был, в следующий раз под ночь покормят, – уведомил Пашу Завид.

– Понятно, сытым тут не станешь.

– Так, а чего ты хотел, в темнице сидим, а не на пиру у Князя, – сказал Завид, и снова принялся за свои вопросы.

В какой-то момент разговор зашел о богах:

– А богам вы каким поклоняетесь? – спросил Завид.

– Как бы тебе это объяснить, – почесывая затылок начал Паша, – вообще религий у нас достаточно много, но есть такие люди, которые совсем богам не поклоняются и в них не верят, я вот из таких...

– Как это? – удивленно воскликнул Завид, – Так, а кого ты просишь о помощи, как вообще живешь, да и как можно в богов не верить, когда они людям являются постоянно?

– И где они являются? У нас только сказки про их явления есть...

– А ты сюда как попал? – прервал верующий Пашу, – По своей воле?

Тут Паша осекся, он уже смирился с ситуацией и тем, что разумных объяснений ей не найдет.

«Просто переместился»: думал он, все больше и больше разубеждаясь в слове «просто».

– Ты хочешь сказать, что меня сюда боги перенесли?

– Ну, так, а кто еще? – почесав свою козлиную бородку, глянул на Пашу Завид, – они и перенесли.

– Еремей говорил про это что-то, да слушал я невнимательно...

– Вот, а ты бы волхва, тем более Еремея, послушал, он на всю округу славится, самый ученый да сильный из всех волхвов и колдунов, что тут живут.

– Самый, говоришь?

– Конечно, – слегка подумав, Завид добавил, – ну, может не самый, но один из самых, это уж точно.

Воцарилось молчание, впрочем, недолгое:

– Так, а те кто верят? В кого они верят? – все-таки решив до конца услышать ответ, снова спросил Завид.

– В Иисуса, в Аллаха, в Будду, – взглянув на Завида, Паша слегка нервно сказал, – Да их я всех и не помню...

– Погодь, Иисус... – Завид как-то дергано почесался, отвернувшись к стене, – Во, вспомнил!

Он обернулся к Паше с этой фразой, вскинув указательный палец вверх.

– Был я, значит, в корчме у себя в деревне, как-то. И там купцы проезжие сидели, да разговаривали. И услышал я мельком, будто некий Иисус, или как-то так, ходил по землям от Иерусалима до Рима, да людей лечил и чудеса творил разные, – Завид задумался на миг, и продолжил, – Так вот, ходил он уже давно, и сейчас ромеи и латиняне богов своих забывают, что помогли им Империю образовать, да многие Иисусу этому поклоняются. Но некоторые не хотят, и, в общем, ссоры у них там жуткие по этому поводу, резня даже. Но я мельком слышал, всей правды не знаю, может это тот Иисус?

– Хм...

И тут Паша задумался, напряженно пытаясь вспомнить школьный курс истории, который бы ему помог правильно понять Завида, и ответить на вопрос. С одной стороны, если он в параллельном мире, на что указывали многие факты, то Иисус никак не мог быть тем самым, с другой стороны название городов чрезмерно сильно напоминали реальные, что наводило Пашу на мысли, что если это и не они, то их аналог в этом мире. Но все эти мысли ломались под одной, бьющейся в голове: «Я ничего не понимаю!».

– Может и тот, не знаю я. Тот тоже чудеса творил... – сказал Паша, и отвернулся к стенке, давая понять, что не намерен продолжать этот разговор, и нуждается в возможности все обдумать.

Решив, что тема богов может быть затронута и попозже, чтобы не гневить Пашу, Завид стал задавать иные вопросы. Так и пролетел день, вечером, как и обещал Завид, окошко на двери снова открылось. Получив на ужин какое-то подобие рагу и кусок хлеба с неизменным кувшином воды, узники поели и легли спать, пока сохранялось хоть какое-то ощущение сытости.

Утро для Паши оказалось нелегким. Во всех этих передрягах, в которые он имел неосторожность попадать в последние дни, он все-таки простудился. Заложенный нос мешал дышать. Паша неустанно чихал и кашлял. Заметив это, Завид несколько отстранился от Паши, пояснив это действие нежеланием заразиться. До обеда Паша пытался лечь на сене так, чтобы было как можно теплее, в желании наискорейшего излечения простуды. Он уже привык, что простуда проходит сама по себе, и самое неприятное в ней насморк, потому что приходится носить кучу платков за собой. Завид же, судя по всему, не был настроен столь оптимистично.

– Это плохо, что хворь на тебя напала тут в темнице. На печи бы отлежался, а тут загнешься, да и меня с собой утянешь, – сказал Завид.

Вскоре он принялся сморкаться, встревожено причитая, что не дожидется своего освобождения, и что Павел сам висельник, и других в могилу тянет.

– Ну, вот. И я захворал, что ж за напасть? – сокрушенно покачивая головой, обратился в никуда заболевший узник.

– Да чего ты распереживался, простудились малость, подумаешь? – удивился Завидовой озабоченности Паша.

– Ага, малость, – воскликнул в ответ Завид, – Мы тут и загнемся от этой малости, знаешь сколько так мрут в темницах?

– Да ладно, я не видел, чтобы кто-то от простуды умирал.

– Не видел он, – покачивая головой, не переставал сокрушаться Завид, – Мало ли чего ты не видел, я зато видел!

Паша просто промолчал, отворачиваясь от своего товарища по камере.

В этом молчании они провели около часа. Впрочем, молчанием это назвать было нельзя, ведь чихания сопровождалось пожеланиями здоровья, а тишину то и дело нарушали их носы, пытающиеся вобрать в себя вытекающую жидкость.

Внезапный лязг двери заставил узников позабыть о настигнувшей их болезни и устремить свой взор на открывающуюся дверь. Оба переглянулись, ведь дверь открывают только что бы кого-то забрать или наоборот закинуть. Пашино сердце забилося, во рту пересохло, он тут же вспомнил, что ему грозит виселица.

– Так, ты, убийца, на выход, – стукнув дверью о стену, крикнул появившийся в дверном проеме стражник, – Живо!

Паша очень медленно, бешено водя глазами по сторонам, будто в поисках убежища, стал подниматься с лежанки. То ли накотившее чувство отчаяния, то ли засвербевший нос вызвали слезы на глазах у Паши. Он не всхлипывал, и не рыдал, но покрасневшие глаза выдавали его состояние.

– Удачи, – буркнул он Завиду, проходя мимо него, вытерев рукавом лицо.

– Ага, и тебе – шмыгнув носом, ответил Завид, провожая Пашу взглядом.

«Так я и не успел ему рассказать, как ездят машины»: подумалось Паше, внезапно ощутившему некую привязанность к Завиду, его пугливому собеседнику, с которым он коротал время в темнице.

Говорят, что жизнь пролетает перед глазами перед смертью, наверно, Паша был особенным, но ему вдруг вспомнилось все, как он рос, жил, любил, надеялся, страдал, одним словом, ему вспомнилась вся история его жизни. И все это за короткий миг, в который он совершал очередной, последний шаг, преодолевая расстояние, отделявшее его от стражника.

– Так, иди смирно, будешь пытаться убежать, по голове получишь, – показывая облаченный в кольчужную рукавицу кулак, сказал стражник.

Паша вышел из камеры и стал рядом со стеной, ожидая, пока стражник запрет двери. Желания бежать не появлялось, вообще ничего не появлялось, вся тяга к жизни куда-то пропала, он просто безучастно стоял рядом со стражником. Когда тот приказал идти к лестнице, Паша молча двинулся, слезы все еще изредка скатывались по щекам, падая на холодный пол темницы.

«А за что?»: билась единственная мысль в Пашиной голове. Ведь он просто оборонялся, и какими бы не были нравы у местной власти, такая вопиющая несправедливость казалось недопустимой.

Незаметно для самого себя он преодолел лестницу, не обращая внимания на звенящего доспехами стража. В глаза ударил яркий свет, заставляя щуриться, вызывая еще больше слез из глаз.

– Ну, ты и дурак, Паша! – послышался до жути знакомый голос.

Паша поднял голову, чуть слеповато щурясь, и увидел перед собой седобородого человека в белом одеянии, с посохом в руке. Глаза старца смотрели на разбитого Пашу, с легким прищуром, а губы, хоть и скрывааемые усами, явно давали понять, что человек улыбается.

«Еремей!»: тут же заулыбавшись во все щеки, понял Паша.

– Хоть и дурак, но везучий ты, – поглаживая бороду, сказал Еремей, – князь вернулся...

Стражник, запер дверь темницы, так как на Паше не было ни оков, ни прочих стесняющих движения приспособлений, стражник просто сказал:

– Все, иди, свободен ты.

– Да, Паша, пошли, – беря бывшего заключенного под руку, молвил старец.

– Ты хоть и вляпался в историю, да наделал глупостей, а все ж таки смог помочь городу, – усмехаясь, заговорил Еремей, когда они уже немного отошли от темницы, – убил ты главу разбойников, что естественно, разозлило остальных разбойников, и захотели они тебя убить.

– А стража?

– Вот я тебе про то и толкую, ты подожди до конца, а там спросишь, – уже отпустив руку Паши, продолжил Еремей. – Так вот, раньше они зайти могли потому, что Здислав в сговоре был с разбойниками, вот он и устроил им брешь, чтобы заходить могли.

Паша не стал ничего говорить, хоть старец и умолк.

– А тут ты, стало быть, убийство совершил свое геройское, – усмехнувшись, продолжил рассказ Еремей, – А Здислав тебя не разбойникам отдал, а в тюрьму посадил, что подозрения вызывало у начальника стражи, потому что без суда в тюрьму не садят, тем более ты же разбойника убил. Вот он и поменял стражников на сменах, да засаду устроил, так, чтобы не знал Здислав. И изловил разбойников, которые в город полезли буяннить в корчмах, а те на допросе Здислава-то и выдали. Так что на виселице не ты болтаться будешь, а сам Здислав, изменник окаянный. А тебя князь видеть хочет.

– А зачем? – как-то боязливо спросил Паша.

– Как зачем? Из-за тебя же Здислава изловили, кабы не ты, так бы он дальше и воротил тут дела. Да и я с князем виделся, рассказал ему твою историю, интересно стало князю поглядеть на тебя. Так что сегодня вечером на пир пойдем к князю.

– На пир? А...

– А одежду ты запачкал, вижу, ну, ничего, сразу-то мы к Ивану пойдем, к чародею, про которого я тебе говорил, у него спросим, не по его ли вине ты тут оказался, а там и одежду тебе справим, – не обращая внимания на Пашин, так и не заданный, вопрос, говорил волхв.

За этим разговором они вышли из крепости в центр города и завернули направо, двигаясь по пыльной улице мимо красивых деревянных домов в два, а то и три этажа. Целью их был домик на краю улицы. Домик этот, на фоне рядом стоящих, выглядел совсем маленьким, и каким-то невзрачным. Он, казалось, жалостливо мостился к большой стене крепости, стараясь вжаться в нее, и быть еще менее заметным. Его, на первый взгляд хлипкие, стены были выложены из уже сильно постаревших бревен, потемневших с годами от пыли и дождей. Крыша немного покосилась, угрожая еще больше сместиться и вовсе рухнуть. Никакой красивой резьбы на нем не было, не было вообще никаких украшений. Когда путники подошли к дому, дверь открылась, и на пороге появился человек, который вызвал у Паши невольную улыбку.

Щупленький, маленький старичок, с бегающими голубыми глазами. Куцая бородка, с прожилками седины, взгляд то ли испуганный, то ли удивленный, плотно сжатые тонкой полоской губы были почти не различимы на лице. Выглядел дед совсем не как грозный маг, каким его себе представлял Паша, и даже не степенным чародеем, на худой конец, а чем-то средним между испуганным хорьком и взъерошенным воробьем.

– Привет тебе, Иван! – опираясь на посох, крикнул Еремей.

Подслеповато шурясь, Иван принялся разглядывать приветствующего, через некоторое время его все-таки посетило прозрение, и он воскликнул:

– А, это ты, Еремей, сколько лет, сколько зим! – Иван кинулся к Еремею с объятьями. Ввиду своего низкого роста, прижался головой к его груди, а после он, отпрянув, затараторил, – Я там волшебство делал, молнии с посоха пускать хотел, а оно как шарахнуло, я вот уже второй час не слышу и не вижу ничего. А вчера новый чаромед сделал и настойку против него, вот память до сих пор едва работает. А ты с какими вестями пришел?

– А это у тебя от молний из дома дым валит? – спросил Еремей, глядя на пока что тонкую струйку дыма, вылетающую из дверного проема.

– Ой, ой, мой посох! – обернувшись, закричал Иван, и со всех ног, спотыкаясь и покривая, побежал в дом.

– Пойдем, поможем, чудаку этому, – улыбаясь, позвал Пашу с собой волхв.

Войдя в дом, они обнаружили Ивана, который поливал какую-то обгоревшую палку водой из ушата.

– Мой посох, мой огненный посох! – причитал Иван, сокрушенно покачивая головой.

Когда посох перестал дымиться, Иван устало сел на табурет, откинув голову назад, стал что-то бормотать. Потом он встал, и подошел к гостям:

– Прости, Еремей, совсем я забыл про посох свой, сам знаешь, дырявая у меня голова совсем стала после того... – он многозначительно замолчал, впрочем, и Еремей как-то вздрогнул при упоминании «того». Иван же взглянул на Пашу, только сейчас его заметив, и спросил, – А это что за молодец с тобой?

– А вот по поводу этого молодца, Иван, я и пришел.

– Так, ну вижу, хворь у него слабенькая есть, неужто сам ему отвара дать не можешь? – не дожидаясь дальнейших пояснений от волхва, заговорил чародей.

– Хворь... – взглянув на чихнувшего в этот момент Пашу, сказал Еремей, – Это дело поправимое. Вот, скажи мне Иван, недавно ты волшбу задумывал, будто сможешь ты из другого мира сюда вызвать героя, как в пророчестве сказано, с помощью молнии Перуна.

– А-а-а, ну так, три дня назад я пробовал снова, так не получилось ничего, не очутился герой в круге чародейном.

– В круге, может, и не очутилось, а в лес вот парня забросило.

– Да? – вперив взгляд в Пашу, он принялся его щупать, предварительно тыкнув пальцем в руку, сказал, – Скажи «а»

– А-а-а, – широко раскрыв рот, как в больнице, сам не зная зачем, послушался старика Паша.

Нахмутив брови, явно над чем-то размышляя, Иван спросил у Еремея:

– Так, а как ты понял, что это тот, которого я вызвал, и почему его в лес забросило?

– Ну, то, что он не здешний я сразу понял, а вот почему в лес, это уже у тебя спрашивать нужно, – ответил волхв.

– Верно, у меня, – подняв указательный палец вверх, пробормотал Иван, и скрылся в другой комнатке своего дома.

Оттуда слышались звуки поиска чего-то среди бумажного и деревянного хлама, вскоре Иван вернулся, держа в руках какой-то свиток желтоватого света.

– Вот, папирусы с юга привозили, я себе купил несколько, – хвалясь Еремеем сказал Иван, разворачивая свиток, – вот, значит, Еремей, тут моя волшба вся описана, я тебе свиток отдаю, ты и разбирайся, что я не так сделал, ничем помочь я больше не могу.

– Этого я и ожидал, спасибо и на этом, однако, скажи, Иван, зачем ты вообще это затеял?

– Герой... Волшба... – пробормотал маг в ответ, надеясь, что его поймут.

– Ладно, Иван, не трудись с объяснениями, лучше давай-ка ему настойку от хвори, да поешь. Заодно и одежду ему сыщи, все ж таки ты его сюда перенес, вот и наслаждайся результатом своей волшбы.

Вдруг лицо Ивана озарила улыбка до ушей, он внезапно что-то понял, и несказанно этому обрадовался:

– Так ведь это выходит, что получилась моя волшба! – он благоговейно посмотрел на Пашу, результат своих трудов, и, как мог, нежно сказал, – Ты тут вот садись, а я сейчас и стряпня у меня готова, и одежду найду!

С этими словами он усадил Пашу на лавку, и снова убежал во вторую комнату его небольшого дома. Вскоре он вернулся оттуда с маленьким бутылком в руках:

– Вот, выпей, это от хвори твоей, – сказал он, протягивая Паше бутылек.

Больной смело принялся пить свое лекарство. Он ожидал ужасного вкуса, рвотного рефлекса, или дикого жжения в горле, на худой конец. Приятный вкус настойки, похожий на сироп, Пашу даже разочаровал, он-то уже приготовился к спазмам и катанию по полу в диком кашле. Опустошив бутылку, он хотел протянуть его Ивану, но тот уже убежал, и, видимо, орудовал хватом возле печи, выуживая оттуда чугунок.

Вскоре, все трое, они чинно восседали за столом. Паша любовался на подаренную ему Иваном ложку, причудливые изгибы ее формы были просто созданы для удобного питания. Как сказал волшебник, на ложке особое заклятие, и она приспособливает свою форму под владельца. Паша никаких изменений в ней пока не замечал, поэтому подумал, что заклятие не действует, что не сильно его удивило.

На обед у них была вареная репа, хлеб и вяленое мясо. Паша не привык есть репу, однако голод заставил его жевать и глотать все, до чего могли дотянуться его руки, и вскоре, насытившись, он, поглаживая живот, откинулся к стенке, рядом с которой стояла лавка.

После обеда Иван принес Паше одежду на замену. Собственно, никаких отличий, кроме того, что она была чистая, от собственной Паша не нашел. Быстро облачившись в новое одеяние, под бормотания Ивана, который твердил, что быть того не может, и какая же удача – сотворенная волшебба, Паша попросился в туалет.

– Вот из дома выйди, направо иди, там возле стены увидишь сарайчик такой, вот там и делай свое дело, – пояснил Иван страдальцу, как добраться до столь нужного ему сооружения.

Паша выбрался из дома, вдохнув свежего воздуха полной грудью, оглянувшись по сторонам, он двинулся направо, как велел Иван. По привычке пытаясь высморкаться, он вдруг понял, что нос не заложен, и нет даже намека на насморк.

«О, классно, хорошая настойка!»: подумал он, шагая уже по запаху в прежнем направлении. Вскоре пред ним предстал сарай, который описывал Иван. Задержав дыхание, Паша вошел туда. В темной комнате сарая было полно мух, у дальней стены были расположены кабинки, в каждой из которых имелась «дыра» прорезанная в деревянном полу.

«Как в деревне»: с этой мыслью Паша пристроился в самой темной угловой кабинке.

Теребя рукав своей новой рубахи, размышляя о сложившейся ситуации, он вдруг услышал топот сапог по деревянному полу сарая, кто-то заговорил:

– Как из города выйти теперь, уже третий день тут сидим!

– Как-нибудь, наших-то изловили, в лес дружину теперь направят, а послать уже некого к ним с вестью.

– Это да, но и про нас никто не знает, вот только из города я никуда не уйду, пока этого ... не найду!

Какого именно этого Паша не расслышал, сидеть он старался как можно тише, и невероятным усилием сдерживал то, зачем сюда пришел.

– Он брата моего убил, ..., и я убью его, во что бы то ни стало! – торжественно закончил гость туалета.

Весь этот разговор Паша слушал все еще не вдохнув, только сейчас он об этом вспомнил. Чуть не падая в обморок, он как можно тише стал вдыхать воздух. К счастью, бандиты слишком громко обсуждали своего врага и планы по уходу из города, и Паша не привлек их внимания. Он не ожидал, что этот смрад вызовет в нем желание закашляться. Так и не закашляв, Паша почувствовал себя героем терпения, потому что он так и не выдал своего присутствия. Убедившись, что неожиданные посетители ушли из туалета, он высвободил свои желания. Быстро очистившись, он осторожно глянул в щель в стене, чтобы убедиться, что на улице его не поджидают бандиты.

Из разговора он понял, что эти двое сопровождали в тот вечер главаря разбойников, который пал от Пашиной руки, и теперь они ищут его в городе, видимо, зная, что его уже выпустили из темницы. Так же он имел теперь ценную информацию для стражников. Разбой-

ники собирались пролезть в подкоп под стеной, где именно этот подкоп, Паша не знал, так как не знал города. Но знал название корчмы «Бородатый Сом», которая стоит рядом со стеной. Справа от корчмы и был подкоп вод стеной. Правда, уходить из города бандиты не собирались, пока не изловят Пашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.